

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШЕСТОВИЦКОГО КОМПЛЕКСА В 1998 – 2002 гг.

Конец I тысячелетия н. э. был во многих отношениях переломным периодом для большинства стран Европы. После завершения эпохи Великого переселения народов этническая карта континента уже в VIII в. начала приобретать черты стабильности. Вторжение венгров в Паннонию в 895 г. было едва ли не последней крупной этнической инъекцией уходящего тысячелетия для Юга старого континента. Магьярская экспансия не только изменила этническую карту Дунайского бассейна, но и в значительной степени повлияла на последующее развитие всей Центрально-Восточной Европы. Несомненно, что именно борьба с постоянными магьярскими вторжениями, завершившаяся в 955 г. убедительной победой под Лехфельдом, явилась тем мощным катализатором, который ускорил объединение германских племён под руководством Оттона I Саксонского и создание Священной Римской империи немецкой нации, ставшей, по образному выражению Нормана Дейвиса, стартовой площадкой Германии.

Однако Север Европы продолжал по-прежнему бурлить и оставался нестабильным. Воинственные дружины отважных морских воинов, именовавших себя викингами, начав на рубеже VIII – IX вв. с отдельных разбойничьих нападений на отдаленные христианские монастыри Северной Европы, с первой половины IX в. практически безнаказанно действовали уже вдоль всего западно-европейского побережья Атлантики, достигая на своих быстроходных кораблях не только Британских островов и Франции, а и берегов Испании, Италии, Сицилии, Северной Африки. Во время отдельных экспедиций викингов собирались огромные морские армады, насчитывавшие иногда более 1 000 кораблей и несколько десятков тысяч бойцов, которых ничто не могло остановить. Реестр ограбленных викингами городов включает сотни названий, среди которых Лондон и Дублин, Антверпен и Гамбург, Кельн и Бонн, Париж и Орлеан, Лиссабон и Севилья. Объём захваченной викингами добычи, по мнению специалистов, измеряется миллионами марок серебра. Собственно, именно это и было едва ли не главной причиной столь неудержимой и яростной экспансии викингов – скудные природные условия Скандинавии не позволяли создать на полуострове полноценную средневековую цивилизацию без привлечения существенных материальных средств со стороны.

В этой бесконечной гонке за победами и добычей викинги уже с IX в., параллельно с увеличением давления на Запад, начинают всё больше обращать свои взгляды и на юго-восток, где на необозримых просторах лесной зоны обитали многочисленные, но тогда ещё разрозненные славянские, балтские и финно-угорские племена, которые вели оживлённую торговлю со странами арабского Востока и Византией. В обмен на меха, рабов, продукты сельского хозяйства и лесных промыслов сюда поступали десятки и сотни тысяч серебряных монет-дирхемов. Активно включившись в эту торговлю, викинги-варяги

(известные восточным источникам как “русы”) скоро предпринимают попытку взять её под свой контроль, чему в значительной степени содействовали интеграционные процессы, происходившие в это время в восточнославянской среде. Совпадение интересов социальной верхушки славянских племён и вождей отдельных дружин викингов привело к т. н. “призванию варягов” и, в конечном итоге, стимулировало процессы консолидации народов региона в составе империи Рюриковичей, в становлении которой эти варяги сыграли, как известно, в целом достаточно заметную роль. Фактически, если отбросить различные политические спекуляции, народы двух европейских регионов уже тогда начали строительство трансъевропейского моста (более известного как “Путь из Варяг в Греки”), соединившего север и юг континента, и их вклад в создание общеевропейского дома, несомненно, ещё ожидает специального изучения. Образование Киевской Руси знаменовало собой начало принципиально нового этапа в славяно-скандинавских отношениях.

Захватив Киев и поставив, таким образом, под свой контроль всю восточноевропейскую торговлю с Византией, Олег начинает борьбу за включение в сферу влияния молодого государства окрестных славянских племён. Данниками Киева, как отмечает летописец, вскоре стали, кроме полян, древляне, радимичи и северяне, причём, судя по следам пожарищ на большинстве славянских городищ, это был далеко не мирный процесс. Особой сложностью он отличался на Левобережье Днепра, где проживало многочисленное племя северян, имевшее к тому же прочные связи с Хазарским каганатом. Как показывают археологические источники, в конце IX в. киевские дружины не смогли продвинуться в Подесенье дальше устья правого притока Десны – р. Снов, за которой начинался уже сплошной массив северянских городищ.

Историческим центром захваченных Олегом левобережных территорий был Чернигов, возникший на высоком мысу в месте впадения в Десну её правого притока р. Стрижень. Разветвлённая система притоков и волоков связывала Десну не только с бассейнами Днепра, Волги, Оки, Дона, Немана, Припяти, но и – через них – с Азовским, Балтийским, Каспийским и Чёрным морями. Занимая ключевое положение в системе торговых путей Левобережья, по которым поступала подавляющая масса восточного монетного серебра, именно в этом районе “переливаясь” в русло пути “из Варяг в Греки”, город играл на левом берегу Днепра такую же роль, как Киев – на правом, прочно закрывая на замок фактически весь обширный бассейн Десны. Не удивительно, что уже в первых договорах с Византией в начале X в. Чернигов обычно ставится на второе после Киева место в списке городов Руси, в которых сидели подчинённые Олегу “великие князья”. Однако, присоединение к Киеву не только полностью меняло вектор политической ориентации Чернигова, но и вело к коренному перераспределению доходов от восточной торговли, что вряд ли понравилось городской общине, и без того видевшей в Киеве главного конкурента. Учитывая всё это, киевские князья, несомненно, должны были уделять обеспечению надёжного контроля над городом постоянное внимание.

Археологические исследования последних десятилетий показали, что во второй половине IX – начале X вв. начинается новый этап в истории Чернигова, сопровождавшийся не только полной реконструкцией системы городских фортификационных сооружений, но и дальнейшим развитием его социально-топографической структуры. Прежде всего, возводится мощная оборонительная линия на древнейшем детинце Чернигова – Цитадели. Исследования 1991 г.

выявили здесь остатки углублённых в материк деревянных конструкций типа срубов, к которым изнутри примыкали полуземляночные постройки, крыши которых могли служить боевыми площадками. За стенами с внутренней стороны находился ров, грунт из которого был использован для сооружения тела вала – конструктивная особенность, отмеченная в данном регионе только на ранних дружинных центрах (Гущин, Оргощ, Звеничев, Шестовица), возникших примерно в это же время.

Реконструкция конца IX – начала X вв. затронула не только Цитадель. Материалы раскопок позволяют утверждать, что в это же время возводятся дополнительные линии укреплений на территории города. Мощным валом и рвом был ограждён новый район к северу от Цитадели. Как показали работы 1991 г., их основу составили деревянные срубные конструкции, поставленные в несколько рядов и заполненные материковым грунтом. За валом и ныне заметны следы широкого рва. Территория, защищённая этой фортификационной линией, занимала около 11 га.

В X же веке формируются новые районы города, защищённые самостоятельными линиями укреплений. У подножия детинца была укреплена часть подола, причём, судя по направлению оборонительной линии, она служила для защиты не только жилых кварталов, но и находившейся в устье Стрижня гавани. На северо-восток и северо-запад от детинца формируются ещё два примерно равных по площади (около 20 га каждый) района. Их укрепления также были заложены не позднее X в. Однако жилая застройка вдоль края террасы и по берегам протекавших по территории города ручьёв распространялась далеко за пределы этих укреплений. Картографирование материалов X в. позволяет утверждать, что общая площадь, заселённая здесь в это время, составляла не менее 60 – 70 га. Таким образом, Чернигов X в. действительно являлся самым значительным центром Левобережья.

Картину существенно дополняют материалы некрополя, древнейшие из исследованных погребений которого датируются концом IX – началом X вв. (серебряный саманидский дирхем конца IX в. на кострище в кургане Гульбище; золотой английский денарий Этельреда (994 – 1000 гг.) в кургане № 5 на Болдиных горах и т.д.). Раскопки черниговских курганов и открытого недавно грунтового некрополя, на котором на сегодня исследовано уже свыше 1 800 погребений, выявляют значительную социально-имущественную дифференциацию населения и характеризуют Чернигов этого времени как один из крупнейших городских центров Руси, с могущественным боярством и многочисленной дружиной.

Всё это, несомненно, усложняло осуществление надёжного контроля за Черниговом – содержание в большом и многолюдном городе чуждого его населению военного гарнизона было небезопасно, и летописи неоднократно подтверждают это. Вспомним хотя бы известное избиение варягов Ярослава в Новгороде в 1015 г. Вероятно, это хорошо осознавалось и самими князьями, размещавшими, когда это было возможно, своё беспокойное воинство за пределами городских укреплений (как, например, на Рюриковом городище под Новгородом). Подобный военный лагерь известен и под Черниговом, у с. Шестовица, в 18 км ниже города по течению Десны.

Материалы Шестовицкого археологического комплекса в ур. Коровель, считающегося эталонным для решения многих вопросов истории Древнерусской государственности эпохи её становления, по-прежнему остаются недоста-

точно известными даже специалистам. Если курганные древности Шестовицы, благодаря серии ярких публикаций Петра Смоличева, Туре Арне, Ядвиги Станкевич и особенно Давида Блифельда давно вошли в научный оборот¹, то сведения о синхронных им городище и его посаде ограничиваются, как правило, их топографическим описанием и самой общей информацией о хронологических рамках существования памятника². Между тем, объём археологических исследований, проведенных за это время на городище (свыше 1800 м²) и его посадах (более 4200 м²), несомненно, позволяет уже сделать первые определённые выводы.

Городище Коровель находится к югу от с. Шестовица, на узком и длинном мысу, который более чем на 1 км выступает в пойму Десны и её правого притока р. Жердова (Рис. 1 – 2).

Начало археологических исследований городища связано с именем черниговского археолога П. Смоличева, который в 1925 г., приступая к изучению шестовицкого могильника, заложил 2 разведочных шурфа в юго-восточной части площадки: в 15 м восточнее южного въезда (1,70 x 0,65 м) и в 25 м к северо-востоку от предыдущего, в 11 м западнее восточного склона городища (2,0 x 1,0 м)³. При этом, судя по топографии памятника и дневникам П. Смоличева, оба шурфа попали на участки, на которых культурный слой был перекрыт оплывшей насыпью вала.

В 1946 г. Я. Станкевич продолжила изучение памятника, вскрыв уже 60 м² в юго-западной части городища. (Рис. 3). В раскопе были открыты котлованы нескольких объектов, два из которых (оваловидной формы, 5 x 3 м, глубиной около 1,4 м, с остатками глинобитной печи в северо-западной части, и округлый, диаметром около 3,0 м, глубиной около 2,1 м, с конусовидно сужающимися книзу стенками) интерпретировались автором как остатки жилищ-полуземлянок второй половины IX – X вв., а третий (округлый, диаметром около 3 м и до 2,4 м глубиной) – как западина⁴. Правда, при обсуждении итогов работ Я. Станкевич на секторе славяно-русской археологии Института истории материальной культуры АН СССР некоторые сотрудники последнего попытались обвинить её в том, что “углублённая часть жилищ не была полностью расчищена, в связи с чем границы полуземлянки окончательно не были выяснены”⁵. Однако, это обвинение вряд ли можно признать справедливым: раскоп 1946 г., судя по плану, прорезал юго-западный участок городищенского вала, сооруженного из песка, и все выявленные исследовательницей котлованы были, на самом деле, элементами фортификационных сооружений. В их состав могли входить и жилые клетки, контуры которых приобрели со временем размытые очертания.

Ещё более масштабные (особенно для того времени) исследования провёл здесь в 1948 г. Д. Блифельд. На городище, главным образом, в юго-восточной и центральной частях площадки, он заложил 3 траншеи и 5 раскопов общей площадью 398 м² (Рис. 3). При этом один из раскопов был исследован не полностью: ряд его квадратов 2 x 2 м, которые раскрывались в шахматном порядке, остались не раскопанными. Проведенные работы позволили Д. Блифельду не только открыть ряд разновременных жилых и хозяйственных объектов, но и предложить в целом убедительную предварительную культурно-хронологическую схему развития городища, включавшую зарубинецкий, раннеромен-

ский * и древнерусский этапы. Последний по керамическому материалу исследователь склонен был разделять на 2 периода: IX – XI вв., представленный 2 хозяйственными ямами, и XII – XIII вв., к которому были отнесены 2 жилища. Одно из них (№ 2) имело углублённый на 1,2 м котлован подпрямоугольных очертаний (4,0 – 4,5 x 3,5 – 4,0 м), в северо-восточном углу которого находилась круглая глинобитная печь. Существование второго, частично перекрывавшего предыдущее, жилища (№ 1), от которого на глубине 0,5 м зафиксирован лишь слабообожжённый круглый в плане “под печи” диаметром 1,5 м, при полном отсутствии каких-либо следов наземной части или контуров котлована, сегодня вызывает определённые сомнения. Не удалось тогда Д. Блифельду определить и время возведения на площадке оборонительных сооружений, и характер внутренней планировки городища ⁶.

В 1980 г. юго-восточный участок городищенской площадки был значительно (на площади около 500 м²) повреждён при попытке несанкционированного сооружения здесь базы отдыха. В 1983 г. работы на городище велись В. Коваленко: траншеей 20 x 4 м был разрезан восточнее древнего въезда северный (напольный) вал и 2 разведочных раскопа заложены в других частях площадки ⁷. В 1993 г. Ф. Андрощук вскрыл ещё около 70 м² в северо-западной её части ⁸. Всего, таким образом, на городище в общей сложности в разные годы было вскрыто около 730 м².

В 1998 г. исследования городища возобновлены экспедицией Института археологии НАН Украины и Черниговского государственного педагогического университета им. Т.Г. Шевченко под руководством авторов при участии Техническо-естественнонаучного университета Норвегии. В итоге за 5 сезонов в разных частях площадки было вскрыто ** ещё более 1000 м² (Рис. 3) ⁹.

Исследования показали, что до городища на этом мысу находился небольшой славянский посёлок, уничтоженный в конце IX в. Судя по незначительной толщине и насыщенности слоя, население памятника в этот период было немногочисленным. Всего на различных раскопах исследовано 3 полуземляночных жилища и десятков хозяйственных построек и ям, относящихся к этому периоду и содержавших достаточно бедный инвентарь (Рис. 6).

В последние десятилетия IX в. посёлок гибнет в пожаре, следы которого, различной степени интенсивности, выявлены в разных частях мыса (главным образом, на участках, позднее перекрытых насыпью вала). Учитывая, что и все последующие перестройки и катастрофы наиболее полно зафиксировались в насыпи напольного вала и на прилегающей территории, культурные напластования именно этого участка памятника были использованы для построения его стратиграфической колонки.

Это позволило выделить здесь восемь строительных горизонтов, разделённых между собой пожарными прослойками. Основные из них прослежены на многих участках на всей территории памятника (как на городище, так и на посаде), некоторые же удалось обнаружить только вблизи и под насыпью вала.

---

* К раннероменскому этапу, который он датировал VI – VII вв., Д. Блифельд относил все обнаруженные на городище материалы раннеславянского облика, подчеркнув при этом дополнительно, что классические роменские древности IX – X вв. на памятнике не выявлены.

** Кроме того, городище неоднократно обследовалось археологами без проведения на его площадке земляных работ (1947 г. – И. Ляпушкин, А. Попко, 1970 г. – М. Попудренко, 1971 г. – М. Кучера, О. Сухобоков, 1976 г. – В. Коваленко, 1980 г. – А. Шекун, и др.).

Вероятно, это объясняется тем, что в ходе неоднократных реконструкций фортификационных сооружений грунт для подсыпки валов брался непосредственно с территории площадки городища, при этом образовавшийся культурный слой на свободных от застройки участках снимался каждый раз до основания, чем, кстати, и объясняется наличие большого количества разновременных находок в насыпи вала.

Все культурные отложения, предшествующие пожару и нерасчленяющиеся стратиграфически (практически гомогенный слой слабо гумусированного светло-серого песка), были условно объединены в I-й (догородищенский) строительный горизонт. Он содержит материалы различных периодов – отдельные находки эпохи неолита, материалы милоградской и зарубинецкой культур, а также упомянутые выше славянские древности.

Непосредственно после пожара на южной оконечности мыса сооружается городище неправильной округлой формы, площадью несколько более 1 га (II-й строительный горизонт).

Поверхность городища представляет собой почти ровную площадку, с заметным уклоном к юго-востоку, склоны которой некогда круто обрывались к пойме. Судя по топографии памятника, в древности по всему его периметру проходил вал, ныне сильно расплывшийся и четко фиксирующийся только с напольной (северной) стороны (высота 1 – 2 м, ширина в основании 20 – 25 м), едва просматривающийся вдоль южного склона и скорее угадывающийся на отдельных участках восточного и западного склонов. Перед валом располагался ныне сильно замытый ров (ширина 11 – 12 м, современная глубина до 1 м).

Раскопки последних лет показали, что городище имело сложную систему укреплений, не имеющую аналогий на других синхронных памятниках региона. Как отмечалось, от остальной части мыса его отделял внешний ров шириной до 12 м, глубиной до 3,5 м. За ним находился первый вал, шириной около 25 м, который проходил, вероятно, по всему периметру площадки. Основу его составляли деревянные конструкции, засыпанные песком. В 8 м от него проходила вторая линия укреплений, состоявшая из небольшого (ширина 2,5 м, глубина до 1 м) рва и частокола, стоявшего за ним. В 7 м от него проходила третья полоса укреплений, которая состояла из ещё одного рва, шириной 7,5 м, глубиной более 3 м, и вала, ширина основания которого также 7,5 м, за которым располагался последний, ров, шириной до 4 м, глубиной до 1,5 м.

Наличие последнего, внутреннего рва объясняется не его фортификационным предназначением (при обороне он скорее, мешал защитникам), а следствием выборки грунта для тела вала, насыпавшегося в спешном порядке – особенность, зафиксированная, как уже отмечалось, на всех ранних городищах этого круга. Отдельным рвом шириной 22 м была отрезана и пологая стрелка мыса, неудобная для обороны.

В итоге размеры внутренней площадки городища, пригодной для застройки, составляли всего 60 x 48 м, или менее 3000 м². Выявленные здесь жилища и вспомогательные постройки примыкали к валам или были конструктивно вписаны в их систему. Въезд на городище находился с напольной (северной) стороны и защищался деревянными надвратными башнями. К нему же выходил и въезд из поймы, проложенный по восточному склону. Так называемый южный въезд, также ведущий сейчас в пойму, является, вероятно, поздним (Рис. 3).

При исследовании северного (напольного) вала в его теле были зафиксированы следы деревянных конструкций типа расположенных на расстоянии до 3-х метров одна от другой каркасно-плетневых стен двойного контура каждая (расстояние между последними – 0,3 – 0,5 м). Рядом с небольшими ямками от кольев, идущих через 0,08 – 0,20 м одна от другой, через каждые 2,0 – 2,5 м находились ямы от более мощных столбов, диаметром 0,3 – 0,5 м. Характер их размещения позволяет предполагать, что с внутренней стороны площадки к плетневым стенам, сдерживавшим сыпучий песок, из которого была сооружена насыпь вала, примыкали какие-то деревянные конструкции (возможно, помост, на котором находились защитники крепости). В раскопе II (на восточном склоне) также зафиксированы следы деревянных столбовых конструкций, служивших для укрепления тела вала, но значительно более простых. Многолетняя распашка и неоднократные перестройки укреплений значительно затрудняют определение параметров этого первоначального вала. Со стороны поймы он имел, вероятно, ширину 8 – 10 м при высоте около 2 м, с напольной стороны – 10 – 12 м.

С севера к городищу примыкал достаточно обширный (700 – 1000 x 80 – 400 м) посад, с востока и запада ограниченный крутыми склонами мыса, занимающая почти всю площадь последнего. Исследования посада, кроме незначительных поисковых работ Я. Станкевич (12 м² и зачистка стенок противотанкового рва 1941 г.), И. Ляпушкина (разведочная траншея и зачистки на Узвозе), Д. Блифельда (доисследование нескольких разрушенных объектов на Узвозе), произведены В. Коваленко в 1976 и 1983 – 1985 гг. При этом, около 2 900 м² исследовано 32 раскопами в северо-восточной части посада (ур. Сад Ледового), где было не только обнаружено свыше 100 объектов хозяйственного и промыслового назначения X – начала XI вв., но и удалось определить северную границу распространения культурного слоя на посаде¹⁰.

Несмотря на значительные, на первый взгляд, размеры вскрытых здесь площадей, данных для того, чтобы аргументировано судить о системе застройки посада, пока всё же недостаточно. Однако, уже сейчас складывается впечатление, что наиболее интенсивно была застроена полоса шириной в 50 – 60 м вдоль восточного края террасы, а подавляющее большинство выявленных объектов так или иначе сориентированы по отношению к этому краю. У построек подквадратной формы преобладает ориентация сторонами по странам света (в отдельных случаях – углами), среди овально-удлинённых – длинной осью по линии север-юг или северо-запад – юго-восток; в отдельных случаях – по линии восток-запад. Интересно отметить, что среди исследованных здесь объектов нет ни одного, который можно было бы однозначно интерпретировать, как стационарное жилище. Среди них безусловно доминируют постройки, связанные с выплавкой и обработкой железа (многочисленные находки шлаков, обломков футуровки горнов, фрагментов сопел), смолокурением и возгонкой дёгтя, выпариванием поташа (?) и т.д., что позволяет предполагать преимущественное использование указанного участка на северной оконечности посада в качестве своеобразного промыслово-хозяйственного двора.

Вместе с тем, на посаде уже в это время функционировали и стационарные жилые усадьбы, одна из которых частично исследована в 1998 – 1999 гг., в 60 – 70 м южнее раскопов 1984 г. и в 600 м к северу от городища (Рис. 2).

Здесь, поблизости от восточного края террасы, раскопами III (1998 г.), V (1999 г.), VII (2000 г.), VIII (2001 г.), IX (2002 г.) вскрыто свыше 500 м², на ко-

торых исследовано 4 жилища с глинобитными печами и более 20 построек и ям хозяйственно-промыслового назначения, а также следы от оградок каркасно-плетневой конструкции (Рис. 5). Древнейшее из жилищ представляло собой полуземлянку или (что менее вероятно) жилой подклет двухэтажного жилища, размерами 4,90 x 4,50 м по верху котлована и 4,55 x 4,0 м – по низу. Стенки последнего близки к вертикальным, с небольшим уклоном к середине, глубина 1,20 – 1,45 м от уровня материка. По углам котлована выявлены столбовые ямки (глубина 0,12 – 0,29 м, диаметр 0,20 – 0,27 м), что может свидетельствовать в пользу каркасно-столбовой конструкции стен ("в закидку"). Вход находился с юго-востока и внутри котлована маркировался двумя столбами. В северо-восточном углу располагалась большая (0,84 x 0,85 м) глинобитная печь подквадратной формы, повёрнутая челюстями ко входу. Она была сооружена на каркасе из толстых прутьев и увенчивалась толстостенной (до 5,5 см) жаровней прямоугольных очертаний. Жилище погребло в пожаре и по керамическому набору и находкам (железный ромбовидный наконечник стрелы, шиферные пряслица, оселок и т.д.) должно датироваться концом IX – первой половиной X вв.

Через непродолжительное время (отсутствуют следы замывов) котлован был засыпан материковым песком и на этом же самом месте соорудили новое (уже наземное) жилище с глинобитной печью на высоком опечке. По площади оно было чуть больше предыдущего – около 6,60 x 5,40 м. По керамическим материалам и находкам (фрагмент щитка бронзовой лировидной пряжки, обломок серебряной гривны-палочки, железные шило, ножи и гвозди, обломки серпа, лезвие топора, небольшое зубильце, фрагмент личины от накладного замка, обломки ведерных оковок, шиферные и керамические пряслица, шиферные и песчаниковые оселки, костяные шилья и проколки и т. д.) второе жилище может датироваться второй половиной X – началом XI в.

Интересно отметить, что на соседней усадьбе (раскоп VII) были частично исследованы остатки синхронного наземного жилища с очагом, из которого, наряду с многочисленными прочими находками, происходят шиферное пряслице с руновидными знаками и миниатюрный игольник из птичьей косточки с тремя личинами сверху и снизу, пространство между которыми покрыто солярными знаками (Рис. 15). Судя по наличию в заполнении золы и углей, жилище, как и все остальные постройки этой и соседних усадеб, погребло в пожаре не позднее первой четверти XI в. В дальнейшем жизнь на этом участке посада более не возобновлялась¹¹.

Необходимо подчеркнуть, что по мере приближения к городищу характер посадской застройки не менялся. Так, в 200 м к северу от городища раскопом I (1998 – 2002 гг., общая площадь более 400 м²) вблизи западного края террасы исследовано полтора десятка построек различной формы X – начала XI вв., связанных с выплавкой и обработкой чёрных металлов – т. н. "усадьба кузнеца". Учитывая, что в осенне-летний период на Коровеле доминируют западные ветры, участок представляется почти идеальным для размещения здесь в древности серии металлургических горнов, выходящих топками прямо на обрыв террасы. Интересно, что мастер пытался заниматься и другими видами деятельности. В частности, он экспериментировал с овручским шифером, пробуя вырезать из него пряслица вручную, без применения токарного станка.

О высоком статусе хозяев усадьбы может свидетельствовать найденный на её территории в 1999 г. литой рубчатый браслет прекрасной сохранности

(77 x 60 мм, 7,0 x 8,5 мм в сечении), украшенный на концах головками драконов с удлинёнными мордами. Драконы повернуты друг к другу головами; у них большие миндалевидной формы глаза и плотно прижатые к голове уши; пасти приоткрыты. По всей спине драконов, от головы к голове, чётко изображён невысокий рубчатый гребень. Шеи драконов украшены орнаментом "в ёлочку", который на четверти длины браслета с каждой стороны ограничивается пояском из 4-х рельефных колец. Посередине браслет как бы делится на 2 половинки ещё одним аналогичным пояском, но уже из 6 колец. Вся нижняя часть тела обоих драконов покрыта подобными же кольцами, но меньших размеров, а по брюшку с обеих сторон пущены также по гребешку. В плоскости браслет то ли несколько деформирован, то ли (что не исключено) ему была специально придана S-видная форма, что даже при небольшом повороте браслета создаёт иллюзию вращения колец дракона (Рис. 15).

Прямые аналогии данной находке нам неизвестны, но её общий облик свидетельствует в пользу связей с балтийским регионом.

Следы подобных производств выявлены и в непосредственной близости к городищу – на р. VI (24 м²), всего в 30 м севернее напольного вала¹². Особо отметим, что участок этот представляется наиболее перспективным для дальнейших исследований на посадке, поскольку здесь зафиксированы большинство из выделенных на городище строительных горизонтов, которые не успели сформироваться на остальной территории посадка или были уничтожены на большей части городищенской площадки.

В 1998 г. было начато и обследование ближайшей (в радиусе до 1 км) округи городища Коровель. На всех возвышенных участках поймы заложено 42 шурфа 2 x 2 м, которыми синхронный городищу и посадку культурный слой выявлен к западу, югу и юго-востоку от городища, что впервые позволило поставить вопрос о существовании пойменной зоны застройки - подола. В 1999 г. на двух возвышенностях в пойме р. Жердовы, разделенных ее рукавами, к западу от городища, было вскрыто по 120 м²; в дальнейшем работы продолжались только на восточном возвышении (Рис. 2). За прошедшие годы здесь почти полностью исследована территория усадьбы XI в. Зафиксированы следы наземных срубных жилищ площадью более 25 м², на небольших подклетах, от которых остались неправильной формы углубления в материке, с развалами глинобитных печей, а также ряд хозяйственных и промысловых объектов (в т. ч. – 2 смолокурни, развалы железоплавильных горнов) и 1 труположение¹³. С территории внутреннего двора усадьбы происходят ряд уникальных находок, среди которых – вислая свинцовая печать Владимира Мономаха раннего типа, фрагмент бронзовой черепаховидной фибулы типа 52, свирель из трубчатой кости крупного рогатого скота с руновидными надписями с двух сторон (Рис. 16).

Ещё далее к западу, за последним рукавом р. Жердовы, на 3 небольших возвышенностях в пойме находился известный курганный могильник (ур. Дуброва и Колодливо). Могильник стал известен в литературе гораздо раньше городища: уже в 1874 г. на III Археологическом съезде в Киеве Н. Константинович в своём докладе "О курганах Черниговского уезда" упоминает, что "недалеко от д. Шестовица, есть 3 группы курганов, расположенных в луговой местности, ежегодно окружаемой заливной водою Десны"¹⁴; чуть позже в Археологический музей Киевского университета св. Владимира и в Черни-

говский исторический музей начали поступать предметы из аматорских раскопок курганов и случайные находки из окрестностей с. Шестовица¹⁵.

В 1925 г., после получения информации о фактах разрушения курганов, в Шестовице начала свои исследования археологическая экспедиция во главе с зав. отделом археологии местного музея П. Смоличевым. Всего за 3 года работ им были исследованы 42 насыпи в разных группах¹⁶. В 1946 г. Я. Станкевич раскопала здесь ещё 7 курганов; в 1947 г. И. Ляпушкин доисследовал 1 разрушенное погребение (вероятно, в районе ур. Узвоз); в 1948, 1956 – 1958 гг. Д. Блифельд вскрыл более 130 насыпей; в 1970 г. М. Попудренко – 2 (ур. Дуброва); в 1976 г. В. Коваленко, а в 1983 г. А. Моця доисследовали ещё по 2 разрушенных погребения (ур. Колодливо). Всего, т.о., здесь в разные годы было исследовано более 180 насыпей¹⁷. В конце 1975 г. остатки 2 пойменных групп могильника, среди которых оставалось и немало ещё не исследованных курганов, были сnivelированы местным колхозом (третья группа, расположенная в пойменном лесу по дороге на с. Слабин, в ур. Дуброва, сохранилась). Отдельные группы находились, кроме того, к западу от ур. Узвоз (от неё ныне осталось лишь несколько сильно оплывших насыпей, из которых 4, содержавшие безинвентарные труположения, исследованы экспедицией в 2000 и 2003 гг.) и в северо-восточной части мыса (насыпи не сохранились), где в 1980 г. А. Шекуном было открыто 2 погребения X в. (трупосождения на стороне с погребением остатков кремации в сосудах-урнах)¹⁸.

Большинство исследователей, оперируя, главным образом, материалами могильника, склонны датировать время функционирования Шестовицкого комплекса концом IX – началом XI вв. Попытки пересмотреть общепринятую датировку и сузить её до 850-х – 960-х гг., нельзя признать удовлетворительными.

Исследования последних лет на городище и посаде в целом убедительно подтвердили эти наблюдения. В частности, на городище под подошвой древнего вала и в заполнении перекрытых им объектов собраны фрагменты керамики раннегончарных типов второй половины - конца IX в., что не позволяет отнести возведение оборонительных сооружений на его площадке ко времени ранее, чем конец IX в. В целом, создаётся впечатление, что возникновение комплекса совпадает по времени с сообщением "Повести временных лет" о покорении Олегом северы в 884 г., когда "иде Олег на Северяне и победи Северяны и възложи на нь дань легьку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ азъ имъ противень, а вам не чему"¹⁹. Возможно, именно в связи с этим большинство исследователей считали, что в Шестовице размещался наибольший на Левобережье лагерь дружинников киевских князей,* который, располагаясь всего в одном – полутора часах конной езды от города, должен был играть роль своеобразного противовеса центру летописной северы – Чернигову, как месту сосредоточения родоплеменной землевладельческой элиты, практически всегда находившемуся в оппозиции Киеву и являвшемуся его традиционным торговым конкурентом²⁰.

Шире видит его функции П. Толочко, рассматривающий Шестовицу как торгово-ремесленное поселение, главным занятием населения которого была "дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело"²¹. Напро-

---

* Д. Блифельд и Б. Рыбаков склонны были рассматривать Шестовицу как "место сосредоточения дружинно-боярского окружения черниговского князя".

тив, Ф. Андрощук усматривает в нём лишь “военно-торговый центр, который представлял собой транзитную гавань в месте наиболее интенсивного навигационного напряжения”²² на “Хазарском пути”, по которому и продвигались во второй половине IX – первой половине X вв. норманны в Среднее Поднепровье с территории Хазарского каганата и именно функционированию которого собственно и обязан он своим возникновением²³. Опираясь, главным образом, на результаты работ 1983 – 1985 гг. на северной окраине посада, он пришёл к выводу, что “хозяйственный характер построек и отсутствие мощного культурного слоя, а также полное отсутствие находок какого-либо сельскохозяйственного инвентаря” свидетельствуют о “сезонном характере поселения”, население которого “занималось, гл. о., лесными промыслами, охотой, рыболовством и, возможно, разводило скот”²⁴.

Работы последних лет опровергают подобную гипотезу: в разных частях комплекса (на городище, посаде и подоле) только за последние годы найдены целые и фрагментированные наральники, причём, как втульчатые, так и черешковые (детальнее см. ниже публикацию Л. Сытой), чересло, полтора десятка серпов или их фрагментов (Рис. 12), 6 пар пружинных ножниц (Рис. 13), значительное количество обломков жерновов из шифера (в том числе целый экземпляр) и вулканического туфа. В известной мере противоречат утверждению о сезонном характере памятника и многочисленные находки ремесленного инструментария, среди которого – целые и фрагментированные зубила, долота, тесло, обломки топоров, сверла, резцы различных типов, ювелирные пинцеты и обломки тиглей (Рис. 11), заготовки и отходы костерезного ремесла (Рис. 14), не говоря уже о многочисленных находках отходов железоплавильного, кузнечного и керамического производства, встречающихся практически во всех частях памятника.

И всё же, не вызывает сомнений, что главной функцией Шестовицкого комплекса было держать под контролем Чернигов. Место для возведения городища было выбрано достаточно удачно. Десна, которая свободно гуляет по своей широкой (до 10 км) пойме, южнее Чернигова далеко уходит от высокой коренной террасы и только в районе Коровеля приближается к ней на расстояние в несколько сотен метров, что позволяло достаточно эффективно контролировать главную водную артерию Днепровского Левобережья. Примерно на таком же расстоянии западнее мыса проходил древний сухопутный путь на Киев. Выйдя из Чернигова через Любечские ворота, он поворачивал на юго-запад к с. Киенка, в районе Шестовицы спускаясь по ур. Узвоз с высокой террасы в пойму р. Жердовы, и далее через Слабин, Смолин, Моровийск и Лутаву – на Вышгород.

Т. о., городище находилось в точке максимального сближения водной и сухопутной дорог на Киев, обеспечивая надежный контроль (а при необходимости – и блокирование) обеих. К тому же, с запада едва ли не к самому подножию городища подходила р. Жердова, впадающая в широкую проточную старицу Десны тремя рукавами, устья которых могли использоваться в качестве гаваней и прекрасных естественных доков для стоянки и ремонта судов. Это предположение подтверждается многочисленными находками ладейных заклёпок и гвоздей с большими ассиметричными шляпками, происходящими с территории подола и других частей памятника (Рис. 10). Подходы к городищу с юга и востока были надежно прикрыты целой сетью многочисленных стариц. Т. о., единственным открытым для штурма направлением было северное, по уз-

кому мысу со стороны посада, что позволяло достаточно успешно защищать городище силами даже небольшой профессиональной дружины.

Об уровне её вооружённости, кроме опубликованных уже материалов погребальных комплексов, дают некоторое представление и находки из раскопок последних лет, среди которых – коллекция железных наконечников стрел различных типов, небольшой боевой топорик и обломки лезвий подобных же, железный сердечник от кистеня и костяное навершие от подобного же орудия меньших размеров, сабельная гарда, костяная и железная петли от колчанов, обломки железных ножей с нервюрами (Рис. 7). Военское снаряжение представлено серией бронзовых и билоновых наконечников поясов и поясных бляшек (в основном, восточного происхождения), бронзовыми и железными подковообразными фибулами со спирально закрученными концами, поясными пряжками и язычками от них, небольшими каменными оселками с отверстиями для подвешивания, обломками кованых железных котлов, дужек от них и витых крюков для их подвешивания, железными же футлярами для трутов; снаряжение боевого коня – кольцами и грызлами от удил, фрагментами псалий, подпружными пряжками, большой бронзовой сердцевидной бляшкой от узды, костяной обоймицей от нагайки и т.д. (Рис. 8 – 9).

Другим важным направлением деятельности обитателей Шестовицы было, вероятно, участие в организации великокняжеского полюдя. Шестовицкое городище, расположенное в густозаселённой местности, в непосредственной близости от крупного города, каким являлся в это время Чернигов, почти идеально подходило для этой роли.

Это, в свою очередь, предполагало и участие в организации далёких морских походов для реализации собранного в полюдые, с предварительной подготовкой и оснащением соответствующих судов. Для этого необходима была деятельность многочисленных ремесленников, связанных не только непосредственно с судостроением, но и с добычей и обработкой железа, смолокурением и возгонкой дёгтя, изготовлением полотна и канатов и т.д. Часть необходимого сырья, несомненно, поставлялась в составе даней, однако предвидеть всё, как известно, невозможно. Следовательно, неизбежно предполагалось развитие и местного производства упомянутых видов продукции. Именно этим, вероятно, можно объяснить стремительное увеличение в это время площади посада и подола городища Коровель. Указанные производства, связанные с постоянным применением огня, особенно в условиях лёгких песчаных грунтов, требовали вовлечения в оборот всё новых и новых площадей, свободных от стационарной застройки, своего рода промыслово-производственных дворов. На их территории не жили постоянно, здесь только производили необходимую продукцию, переходя, по мере замусоривания участка, на следующий.

Косвенным, но убедительным подтверждением участия жителей Коровеля в торговле с Византией является найденная на городище Д. Блифельдом в 1948 г. византийская вислая свинцовая печать (диаметр 23 – 24,5 мм) с изображением шестиконечного патриаршего креста на трёх (?) ступенях и круговой греческой надписью (на аверсе) и пятистрочной греческой надписью (на реверсе), которая принадлежала одному из высокопоставленных чиновников византийской администрации – примикирию, императорскому протоспафарию и логофету геникона Льву. (Рис. 15). По мнению В. Булгаковой, указанный тип моливдовула датируется 900 – 912 гг., а его находка на городище связана с регламентацией положений экономических статей русско-византийского дого-

вора 907г.²⁵. К этому же времени, вероятно, относится и найденная в 1984 г. В. Коваленко на посаде византийская иконка-литик (диаметр 23 – 24 мм) зелёного стекла (Рис. 15).

В начале XI в. существенно изменилась политическая ситуация на Руси. После смерти в 1015 г. Владимира Святого между его многочисленными сыновьями разгорелась кровавая многолетняя борьба за отцовский трон. В ходе этой борьбы власть на Левобережье в 1023 г. захватил энергичный тьмутороканский князь Мстислав Храбрый.

Отвергнутый киевлянами (“не прияша его кыяне”), в Чернигове он получил не только престол, но и достаточно активную военную поддержку: в следующем, 1024 г. основу его армии составило именно северянское ополчение, принявшее на себя главный удар Ярославовых наёмников-варягов²⁶. В то же время, гарнизоны контролировавших все подступы к Чернигову застав, по видимому, сохраняли верность Киеву, и Мстислав, готовившийся к решительному столкновению с братом, вряд ли рискнул бы оставить у себя в тылу эту “пятую колонну”.

Как бы там ни было, второй пожар на городище Коровель, уничтоживший его укрепления и как бы подведшие черту под вторым периодом существования памятника, практически совпадает по времени с этими событиями. Достаточно мощная (до 0,20 м толщиной) горелая прослойка зафиксирована на внешнем склоне вала с напольной стороны; синхронные ей слои на остальной части раскопа обильно насыщены углями и золой. Кроме керамического материала, в этих слоях найдены два ключа от кубических замков (тип А по Б. Колчину), железная подковообразная фибула и бронзовый язычок от другой такой же, железные футляр для трута, крупные пружинные ножницы, большая блесна, зубильце, ладейная заклёпка и обломки 3 ладейных же (с большими шляпками) гвоздей. Следы этого пожара, разной степени интенсивности, фиксируются не только практически во всех раскопах в разных частях городища, но и на посаде. На подоле, судя по результатам работ 1999 г., они менее выразительны (возможно, из-за распашки), но и здесь наблюдается заметное сокращение с XI в. заселённых площадей и снижение интенсивности их использования.

Примерно этим же временем большинство исследователей склонны датировать и прекращение функционирования могильника²⁷, что в целом возражений не вызывает. Исключение составляет группа в ур. Узвоз, содержавшая исключительно труположения в подкурганых ямах. При этом в ряде случаев при работах на Узвозе удалось зафиксировать прорезку подкурганскими могильными ямами наземных жилищ, погибших в пожаре начала XI в. Т.о., в начале XI в. происходит не прекращение функционирования Шестовицкого курганного могильника, а лишь его перенос из поймы на террасу.

Пережив в X в. свой “звездный час”, Шестовицкое городище никогда более не достигало прежнего уровня развития. Городище на Коровеле, занимавшее стратегические позиции на подступах к Чернигову с юга, вскоре (после восстановления в 30-х гг. XI в. на Руси единовластия Ярослава Мудрого или вслед за учреждением после смерти последнего черниговского стола) возрождается.

Хоть жизнь на памятнике, вероятно, не прекращалась совсем и в это время, следы некоторого запустения (III-й строительный горизонт) фиксируются и здесь, вследствие чего первоначальный ров X в. был замываем песком из разру-

шенной насыпи вала. Однако не позднее середины XI в. оборонительные сооружения с напольной стороны полностью реконструируются. С целью увеличения сопротивляемости процессам гниения свежие деревянные конструкции перед засыпкой, по-видимому, подвергались осмолке: в 1983 г. прямо перед стеной внешнего ряда был расчищен развал большой (диаметр около 1,6 м, высота бортиков до 0,12 м) глиняной жаровни, сильно прокалённой снизу и покрытой сверху слоем чёрной сосновой смолы. Судя по количеству обломков (практически полный комплект), жаровня стояла на этом же месте на каких-то подставках над огнём (при этом её северный край “зависал” над заполнением замытого первоначального рва, частично перекрывая его) и, вероятно, рухнула во время производственного цикла. Насыпанный после этого с напольной стороны новый вал (IV-й строительный горизонт) заметно превышал по мощности предыдущий.

Однако вскоре та же судьба постигла и эти укрепления: в конце XI в. (вероятно, в ходе борьбы за Чернигов между Олегом Святославичем и Владимиром Мономахом в 1093 – 1097 гг.) они тоже гибнут в огне (пожар-3). Новая катастрофа, видимо, была не столь масштабной, как предыдущие, поскольку третья пожарная прослойка выразительно фиксировалась только при исследованиях напольного вала.

В начале XII в. городище снова отстраивается, причём на этом этапе (по крайней мере, с северной, напольной стороны) происходит замена каркасно-плетневых стен на более типичные для средневековой Руси стены срубной конструкции, что сопровождалось новой подсыпкой валов (V-й строительный период). Но и на сей раз роль южных ворот Чернигова сослужила Шестовице плохую службу – в середине XII в. (по-видимому, во время феодальной усобицы, вспыхнувшей в Южной Руси между старшими и младшими Мономашичами и, соответственно, новгород-северскими Ольговичами и черниговскими Давыдовичами) городище в очередной раз подвергается военному разгрому, от которого опять наиболее пострадали укрепления северного въезда.

Вскоре они переживают новую реконструкцию (VI-й горизонт). В её ходе насыпь вала в районе въезда на городище была снивелирована едва ли не до основания, после чего его укрепили мощными деревянными конструкциями типа срубов-городен и, вероятно, возвели новую башню с проездом. Внешняя линия срубов (городни шириной около 4 м) была глухой и засыпалась грунтом, взятым непосредственно с площадки городища, вследствие чего в их заполнение, кроме лепной и кружальной керамики I – II периодов, попали обломок удил IV типа (по А. Кирпичникову), железные ножи, подпружная пряжка грушевидной формы, обломок серпа, бронзовые игла и обломок пластинчатого браслета, костяные проколки и астрагалы, подвеска из кабаньего клыка, фрагменты стеклянных оконниц и браслетов, украшенная зернью золотая бусинка из тонкой фольги и др. Примыкавшие к ним срубы внутреннего ряда (ширина 3,7 – 3,8 м) были, вероятно, жилыми. Нижние венцы исследованной клетки были, по-видимому, поставлены на впущенные в материк стулья. Внутри клетки расчищен развал печи, которая, судя по состоянию остатков, упала со значительной высоты. Вероятно, клеть имела 2 этажа: хозяйственный (нижний) и жилой (верхний), на котором и стояла печь. В заполнении клетки найдены: керамика X – XII вв., целый маленький (диаметр отверстия 37 мм) гладкий браслет чёрного стекла, стеклянные же обломки оконниц и донце бокала, железное калачевидное кресало с язычком и др.

Однако, несмотря на все эти многочисленные и разнообразные реконструкции и перестройки, частые военные катаклизмы всё же негативно влияли на развитие комплекса. Увеличение мощности укреплений не могло компенсировать падение социального статуса городища, обусловленное изменениями политической и экономической ситуации на Руси. В дальнейшем поселение на Коровеле никогда уже не знало того уровня кипения жизни, как в эпоху становления государственности. Площадь его посада, резко сократившись после разгрома начала XI в., так никогда более и не достигла первоначальных размеров. Материалы второй половины XI – середины XIII вв. выявлены лишь на прилегающей к городищу северной части посада (менее, чем на $\frac{1}{4}$ его первоначальной площади) да на северо-западной его окраине, в ур. Узвоз, где в 1976 г. автором было доисследовано разрушенное карьером жилище XI – XII вв.²⁸ Аналогичные процессы происходили, как отмечалось, и на подоле. Даже простой статистический анализ керамических материалов показывает, что интенсивность использования его территории падает в XII – XIII вв. в 3 – 4 раза по сравнению с X – началом XI вв. Само же городище с середины XI в. превращается в рядовую, хоть и стратегически важную, крепость на южных подступах к Чернигову.

Судьба городища в середине XIII в. нам достоверно неизвестна. В письменных источниках домонгольской поры оно вообще не упоминается; чётких следов разгрома, типичных для памятников, погибших в огне Батыева нашествия (горелый слой-5 ?), здесь тоже не выявлено. Правда, в верхних слоях насыпи вала заметно присутствие угольков и обожжённой печины, однако они сильно переотложены многолетней распашкой (VII-й горизонт). И всё же, не возникает сомнений в том, что населению этого региона вряд ли удалось избежать трагической судьбы жителей других южнорусских земель: исследования 1983 г. на поселении Ров-2, расположенном за северной окраиной с. Шестовица, выявили остатки усадеб, сожжённых в середине XIII в., причём в подклете одного из сгоревших жилищ обнаружен костяк молодой женщины 25 – 27 лет с наконечником стрелы в спине.

Вероятно, в октябре 1239 г. городище Коровель было заблаговременно оставлено обитателями без сопротивления. Во всяком случае, материалы второй половины XIII в. ни на его площадке, ни на посаде пока не выявлены, в то время как в нескольких сотнях метрах к юго-западу, на возвышении в пойме Десны зафиксировано небольшое селище, состоящее из 5 усадеб послемонгольского времени, одна из которых была исследована в 1984 г.

В дальнейшем центр жизни этого микрорегиона переносится, по-видимому, на городище в центре современного села (Рис. 1), название которого прослеживается в письменных источниках как минимум с рубежа XV – XVI вв.²⁹ К сожалению, археологические исследования на этом городище, ныне плотно застроенном частными усадьбами, практически не велись, не считая заложенного ещё в послевоенные годы на его площадке А. Попко разведочного шурфа, которым зафиксировано наличие достаточно мощного (до 1,25 м) культурного слоя³⁰.

На самом же городище Коровель жизнь в дальнейшем долго не возродалась. В XVII – XVIII вв. городищенская площадка некоторое время использовалась под сельское кладбище (в 1983, 1993, 1998 – 1999 гг. на нём исследовано 10 погребений). Лишь в начале XIX в. некоторое время здесь существовал небольшой хутор.

Последний, VIII-й стратиграфический горизонт (дерновый и поддерновый слои общей мощностью до 0,25 м) образовался вследствие действия природных факторов и посадки в 1955 г. леса.

1. Смоличев П.И. Раскопки северянских могил в с. Шестовица летом 1925г. // Украина. – 1926. – Кн. 1. – С.178-180; Его же. Подвійні поховання Х ст. коло Шестовиці на Чернігівщині // Записки Чернігівського наукового товариства. Праці історико-краєзнавчої секції. – Чернігів., 1931. – Т. 1. – С. 56 – 64; Arne T.J. Skandinavische Holzkammergraber aus der Wikingerzeit in der Ukraine // Acta Archaeologica. – Vol. II. – Fasc. 3. – Kobenhavn, 1931. – С. 285 – 302; Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946г. // КСИА. – Вып. 87. – 1962. – С. 6; Её же. Шестовицька археологічна експедиція 1946р. // Археологічні пам'ятки УРСР. – Т. 1. – К., 1949. – С. 50 – 56; Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – К., 1977. – С. 11.
2. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение... – С. 6 – 12; Её же. Шестовицька археологічна... – С. 50 – 56; Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. – МИА № 104. – М.–Л., 1961. – С. 314 – 315; Его же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). – МИА № 152. – Л., 1968. – С. 80; Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – С. 11.
3. Смоличев П.И. Щоденник розкопок у с. Шестовиці на Чернігівщині, на городищі Коровель. 21.VI. – 11. VII. 1925р. // НА ІА НАНУ. – Авторский фонд. – № 236. – С. 8 – 47.
4. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение ... – С. 8 – 12; Её же. Отчет о работе Шестовицкой археологической экспедиции за 1946г. // НА ІА НАНУ. – 1946/20. – №№ 3562 – 3565.
5. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение. – С. 8. – Прим. 5.
6. Бліфельд Д.І. Звіт про роботу Шестовицької археологічної експедиції ІА АН УРСР 1948р. // НА ІА НАНУ. – 1948/11. – № 814; Его же. Дослідження в с. Шестовиця // Археологічні пам'ятки УРСР. – Т. III. – К., 1952. – С. 130– 131; Его же. Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет // КСИА АН УССР. – Вып. 2. – К., 1953. – С. 30.
7. Коваленко В.П., Моця А.П., Шекун А.В. Работы Шестовицкой экспедиции // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 287 – 88;
8. Андросчук Ф.О. Звіт про роботи в околиці с. Шестовиця Чернігівського району Чернігівської області у 1993 р. // НА ІА НАНУ.
9. Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М. та ін. Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовиця Чернігівської обл. в 1998 р. – Т. I. – Дослідження городища в ур. Коровель. – Чернігів, 1999. // НА ІА НАНУ; Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М. та ін. Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовиця Чернігівської обл. в 1999 р. – Т. I. – Дослідження городища в ур. Коровель. – Чернігів, 2000 // НА ІА НАНУ; Коваленко В.П. Нові дослідження Шестовицького археологічного комплексу // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1999. – № 1. – С. 33 – 43.
10. Коваленко В.П., Моця А.П., Шекун А.В. Отчет об охранных работах у с. Шестовица Черниговской обл. в 1983 – 1984гг. – Т. II. – Охранные работы на посаде в 1983г.; Т. III. – Охранные работы на посаде в 1984г. // НА ІА НАНУ. – 1984/172-173.
11. Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М. та ін. Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовиця Чернігівської обл. в 1998 р. – Т. II. – Дослідження на посаді городища в ур. Коровель. – Чернігів, 1999 // НА ІА НАНУ.
12. Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М. та ін. Звіт про археологічні дослідження в ур. Коровель біля с. Шестовиця Чернігівської обл. в 1999 р. – Т. II. – Дослідження на посаді городища в ур. Коровель. – Чернігів, 2000 // НА ІА НАНУ.
13. Коваленко В.П. Нові дослідження... – С. 40 – 41.
14. Константинович Н.А. О курганах... – С. 184.
15. Андросчук Ф.О., Беляева С.О., Блажевич Н.В., Якубов В.М. Старожитності Шестовиці. – К., 1996. – С. 1; Каталог Черниговского соединенного исторического музея городской и ученой архивной комиссии. – Чернигов, 1915. – С. 10, 19.
16. Смоличев П.И. Раскопки северянских могил в с. Шестовица ... – С. 178 – 180; Его же. Подвійні поховання Х ст. ... – С. 56 – 64.
17. Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение... – С. 6; Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – С. 11; Его же. Отчет о работе Шестовицкой археологической экспедиции за 1956 г. // НА ІА НАНУ. – 1956/12а. – №№ 2822 – 2829; Его же. Отчет про археологические исс-

- ледования в с. Шестовица в 1957 году // НА ИА НАНУ. – 1957/14. – №№ 3607-3609; Его же. Отчет про археологические исследования Шестовицкого могильника в 1958г. // НА ИА НАНУ. – 1958/12. – №№ 3749 – 3753; Коваленко В.П. Отчет о разведочных работах в Среднем Подесенье в 1976 г. // НА ИА НАНУ. – 1976/118. – №№ 8225 – 8227; Коваленко В.П. Розвідувальні роботи в Середньому Подесенні у 1976 р. // Археологія. – № 36. – К., 1981. – С. 91 – 97; Коваленко В.П., Моця А.П., Шекун А.В. Работы Шестовицкой экспедиции. – С. 287 – 288.
18. Шекун А.В. Работы Черниговской областной археологической экспедиции // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 322.
  19. Лаврентьевская летопись. – М., 1997. – Стб. 24.
  20. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. – Л., 1978. – С. 15; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985. – С. 243; Моця О.П. "Місто і округа" в контексті вивчення Чернігівського регіону // Старожитності Південної Русі. – Чернігів, 1993. – С. 25 – 26; Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. – Брянск–СПб., 1995. – С. 73.
  21. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – С. 50 – 51, 55.
  22. Андрощук Ф.О. Ранні етапи формування давньоруської культури у межиріччі Дніпра та Десни (IX – середина X ст.). Автореферат дисертації... кандидата історичних наук. – К., 1997. – С. 9.
  23. Андрощук Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні. / Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя. – К., 1999. – С. 91.
  24. Там само. – С. 31, 37.
  25. Булгакова В. Византийский моливдовул X в. из Шестовицы // Андрощук Ф.О. Нормани і слов'яни... – С. 109 – 117.
  26. Лаврентьевская летопись. – Стб. 147.
  27. Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки...; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники ... – С. 15; Лебедев Г.С. Эпоха викингов... – С. 243; Моця О.П. "Місто і округа"... – С. 25 – 26 и др.
  28. Коваленко В.П. Розвідувальні роботи ... – С. 91 – 97.
  29. Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. – К., 1998. – С. 199, 208, 210.
  30. Попко О.О. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. – К., 1971. – Вип. 1. – С. 129 – 134.

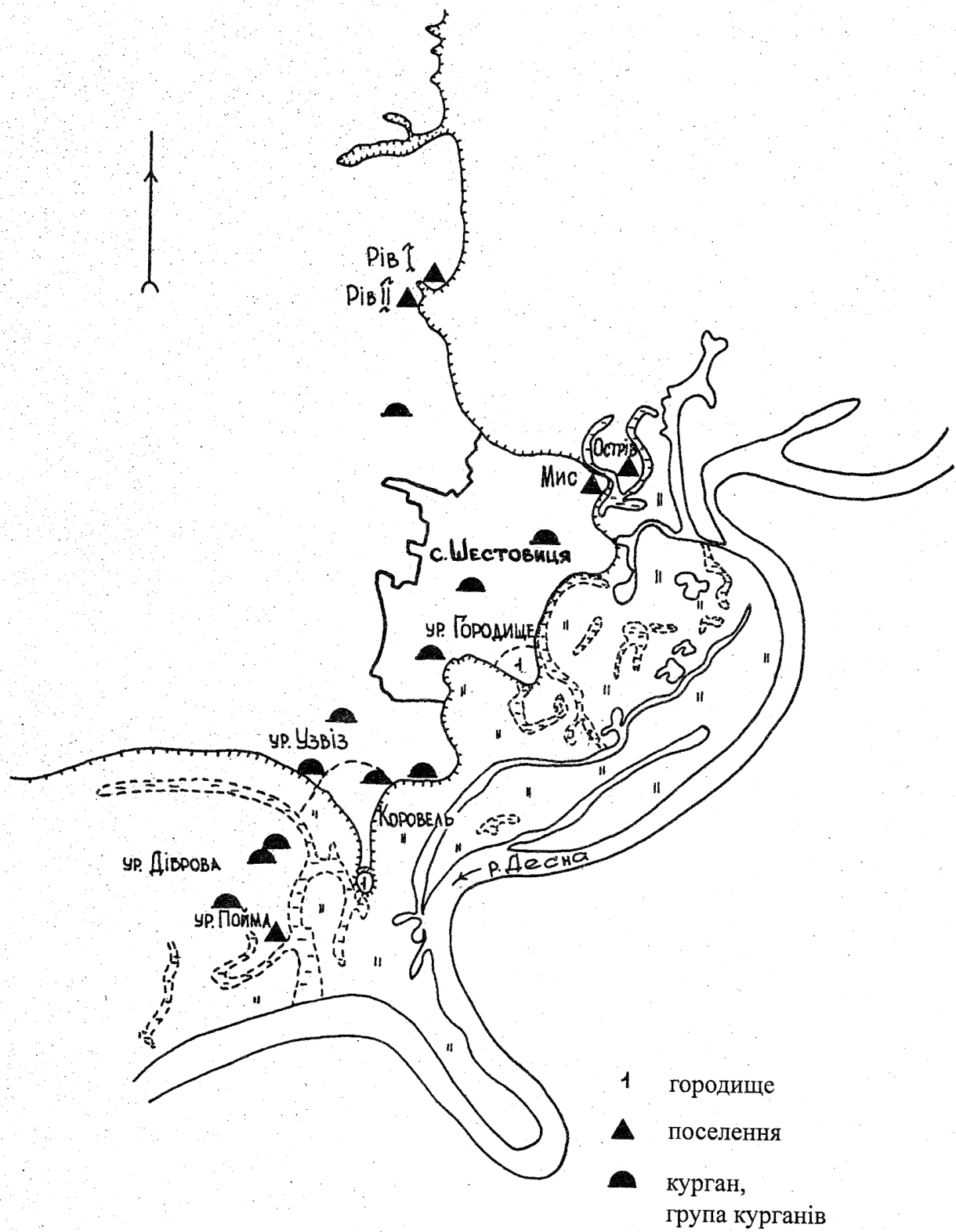
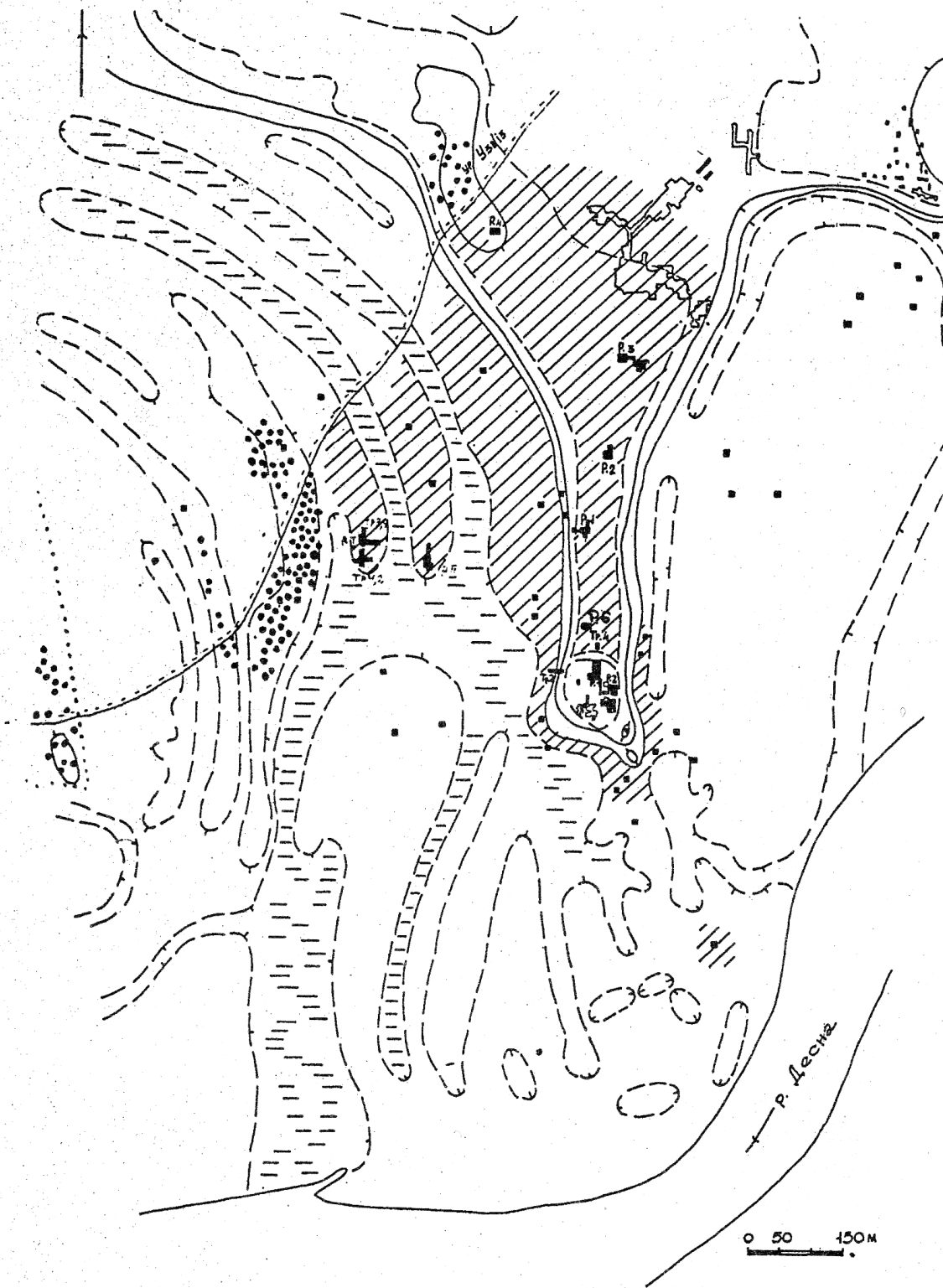

Рис. 1. Схемплан расположения древнерусских памятников у с. Шестовица.

- - розкопи попередніх років
- - розкопи 1998, 1999 рр.

Рис. 2. План комплексу древнерусских памятников в урочище Коровель.

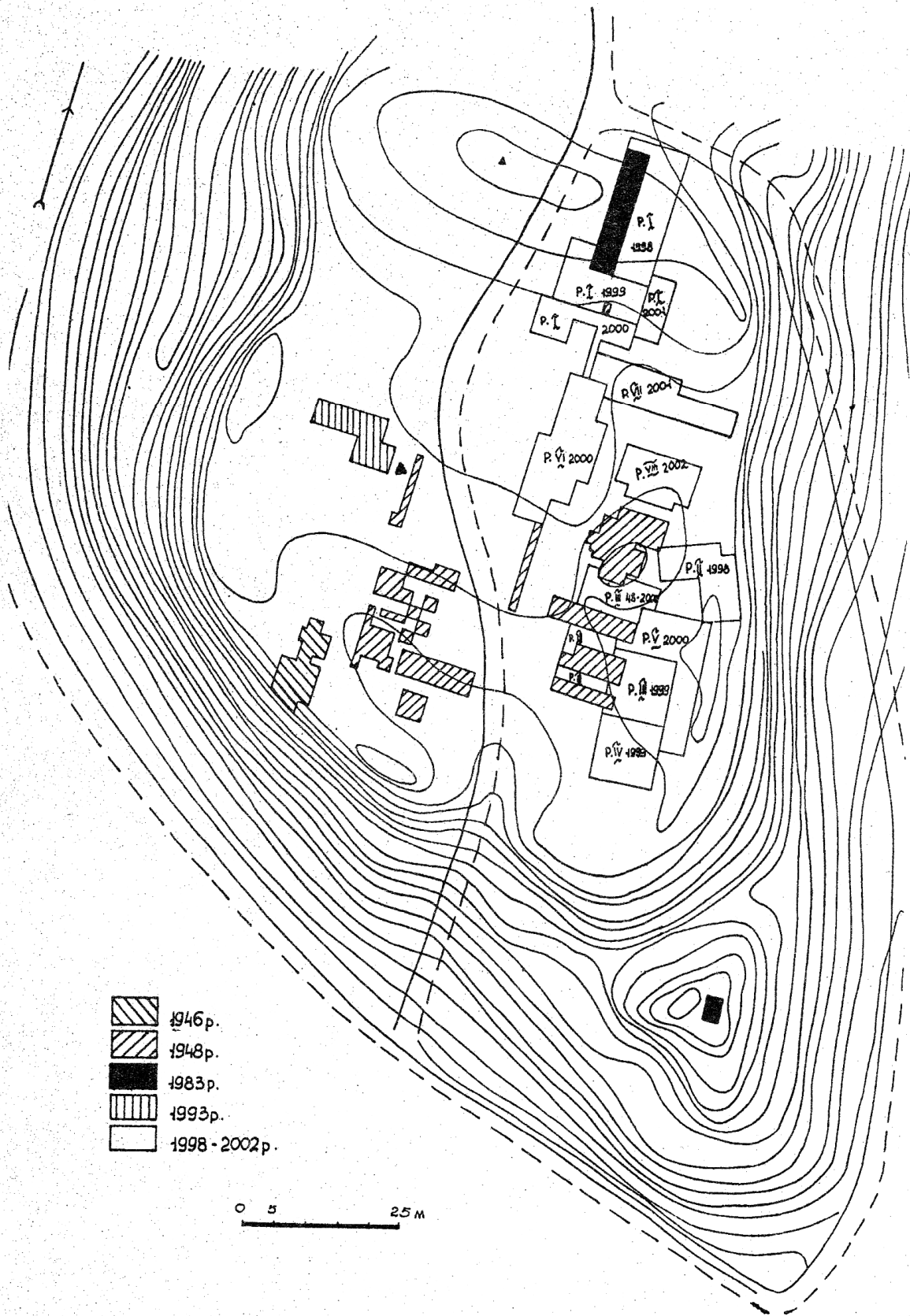

Рис. 3. План раскопов на городище в урочище Коровель у с. Шестовица.

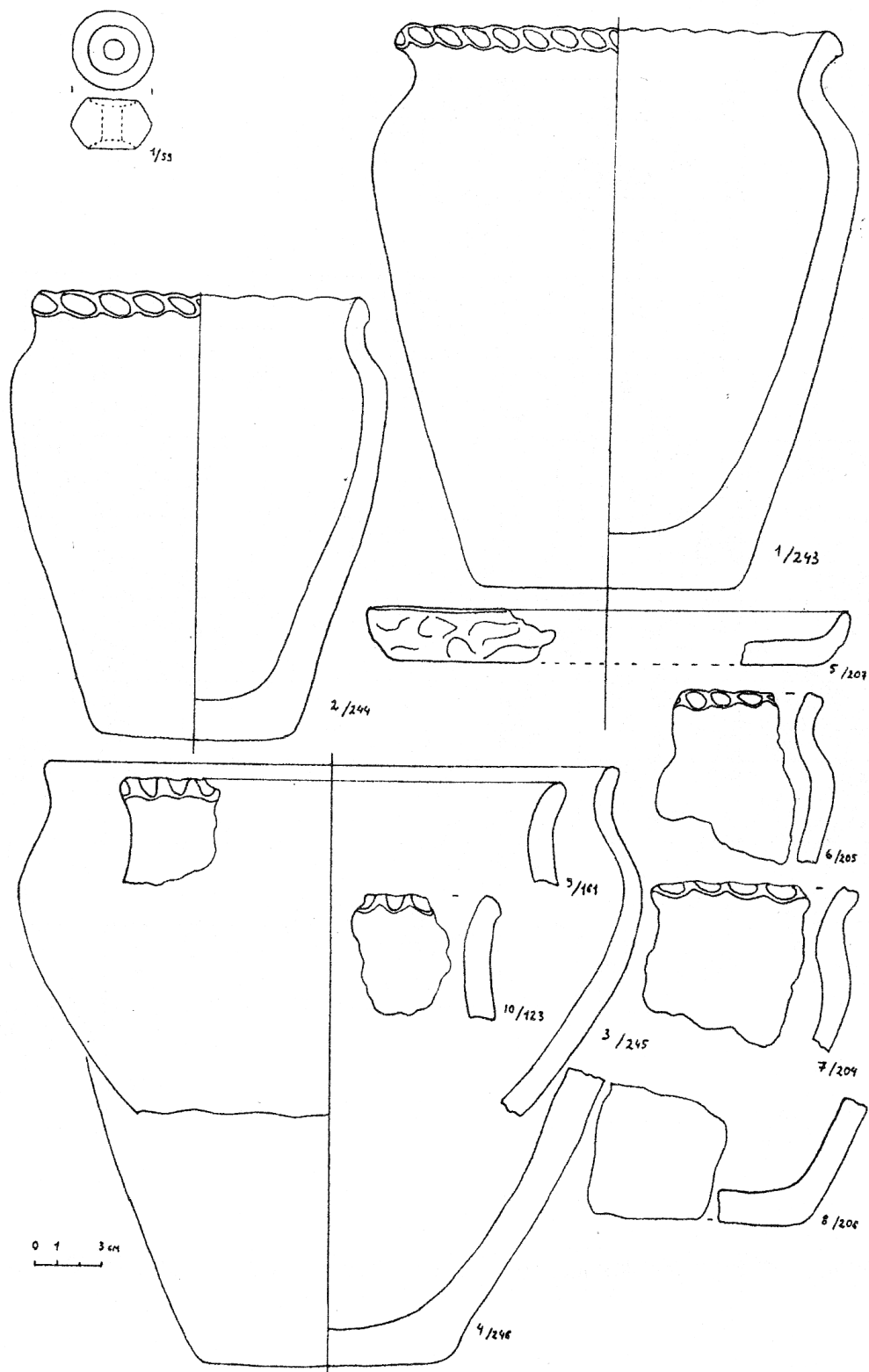

Рис. 4. Славянская керамика из раскопа I на городище Коровель.

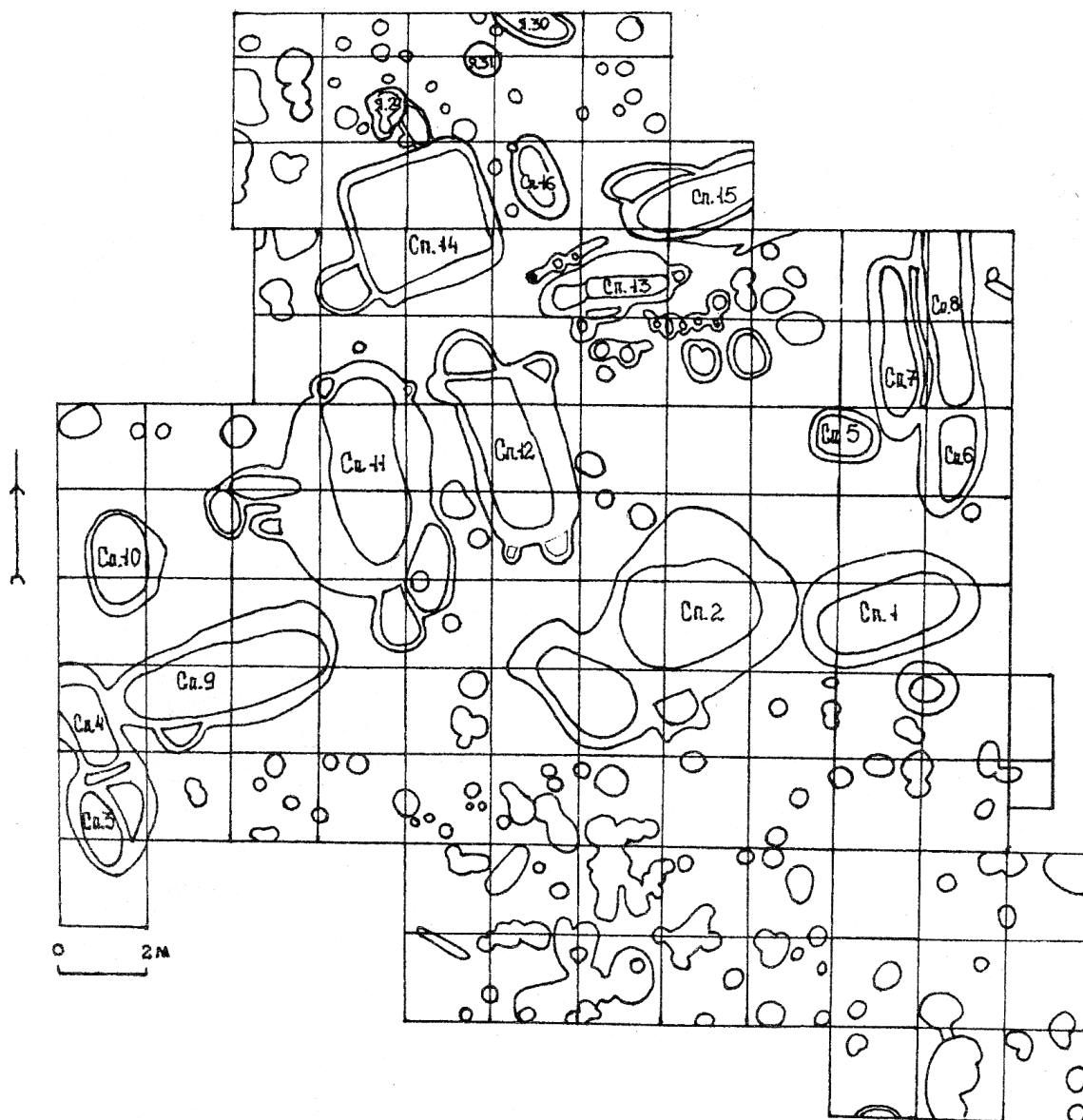

Рис. 5. Сводный план раскопа I по матрику на посаде (1998 – 2002 гг.).

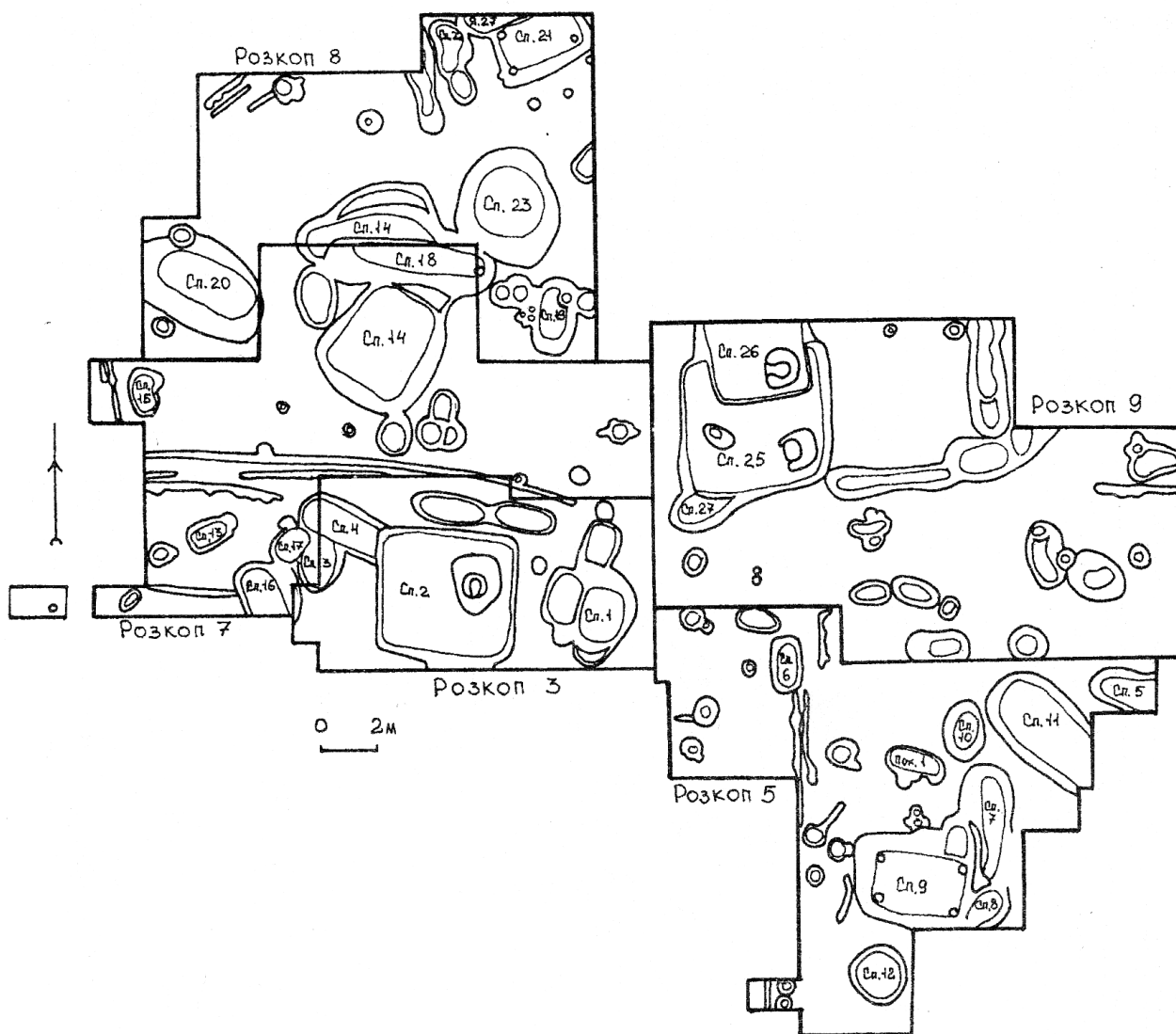

Рис. 6. Сводный план раскопов 1998 – 2002 гг. по материку на северо-восточной окраине посада.

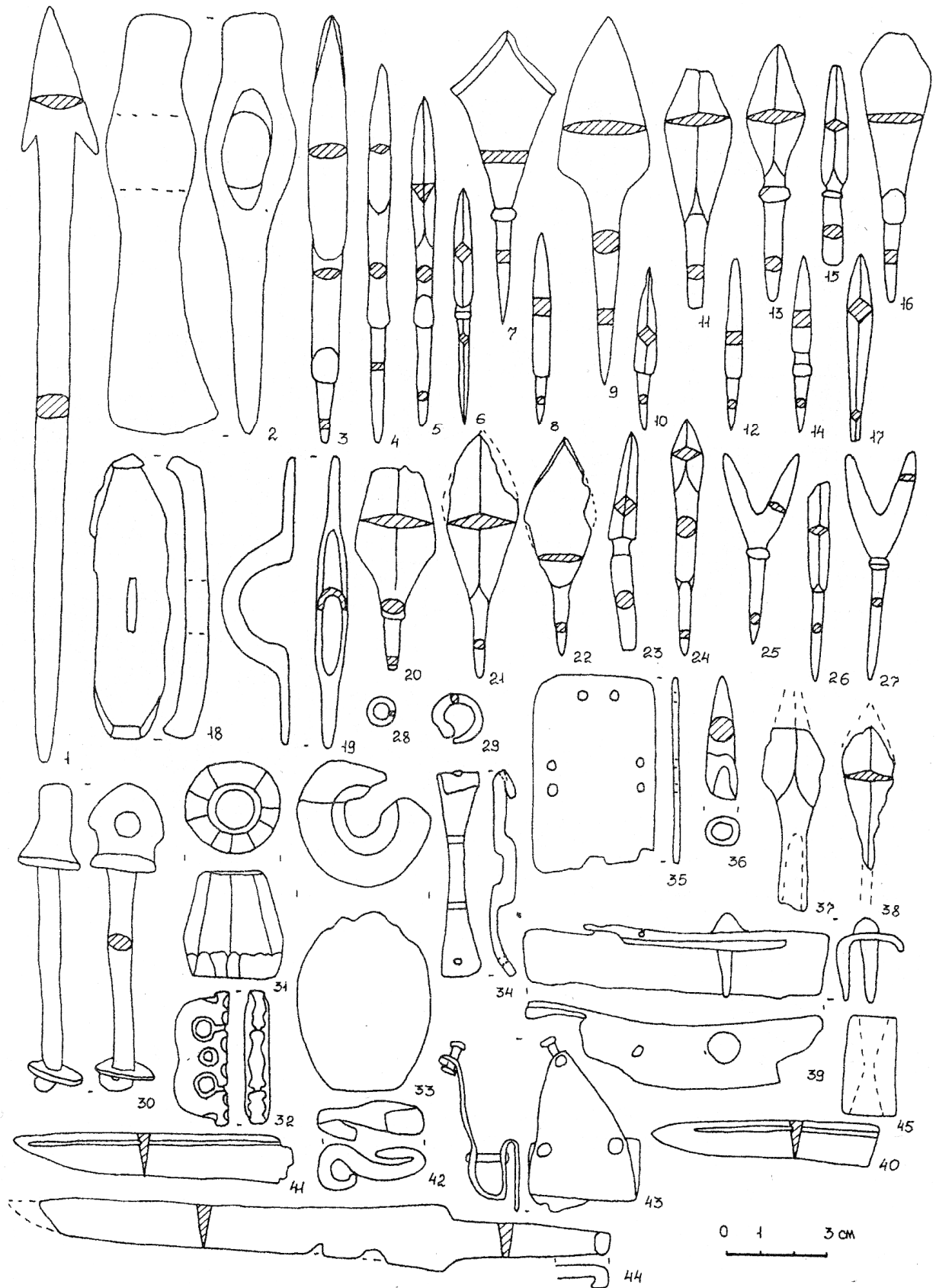

Рис. 7. Предметы вооружения и воинского снаряжения из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 6, 8, 8 – 13, 16, 18, 19, 22, 30 – 32, 34, 35, 38 – 41, 43; посад: 1, 2, 4, 5, 7, 14, 15, 17, 20, 23 – 27, 37, 44, 45; подол: 3, 21, 28, 29, 33, 36, 42 (железо: 1 – 10, 34, 35, 37 – 42, 44; кость: 31 – 33, 36, 45; бронза: 43).

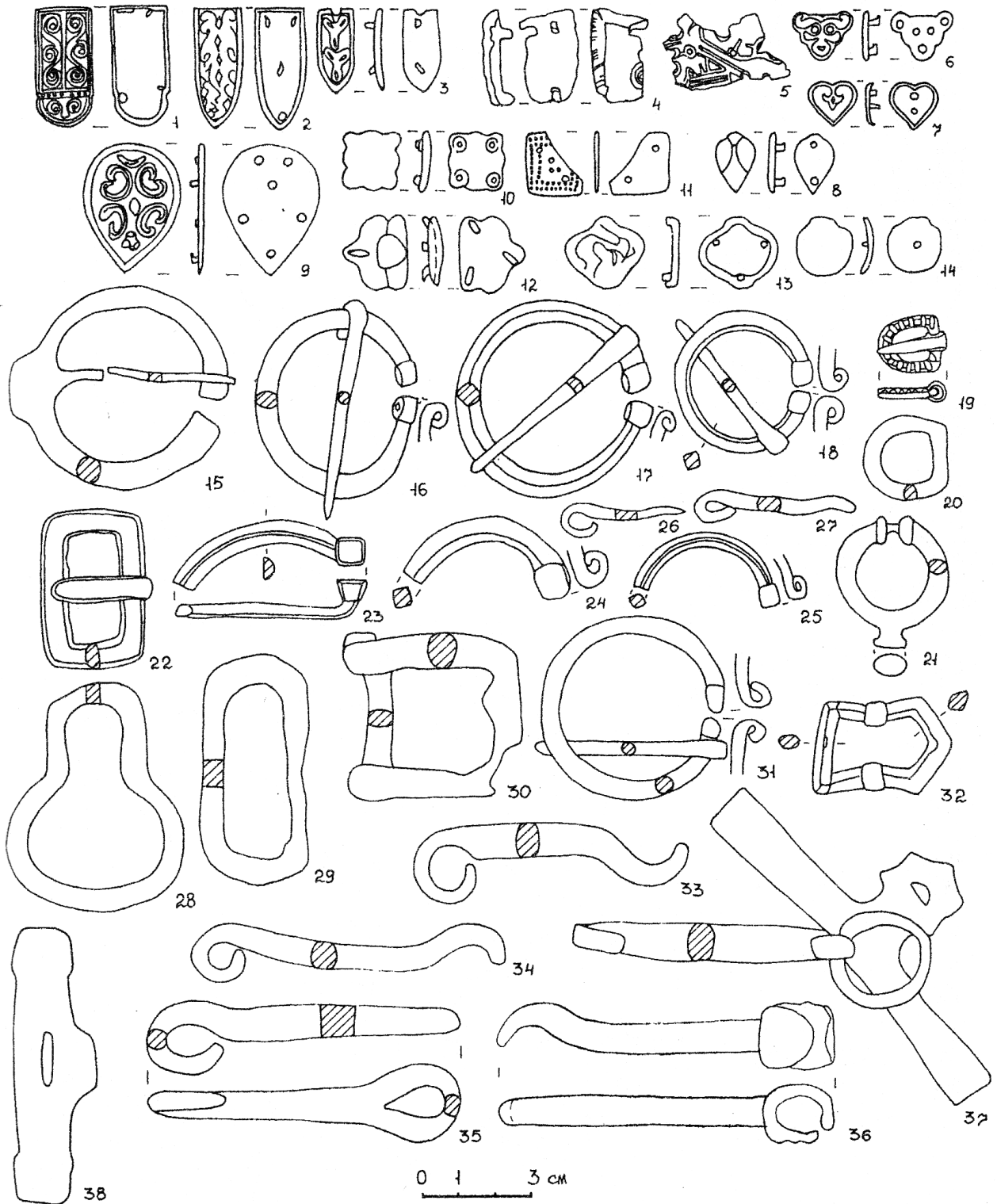

Рис. 8. Предметы снаряжения воина и верхового коня из раскопок у с. Шестовица.

Городище: 1, 8, 11, 15, 19, 20, 24, 27–29, 34; посад: 2–4, 7, 9, 12, 14, 16–18, 21, 22, 25, 26, 31–33, 35, 37, 38; подол: 5, 6, 10, 13, 23, 30, 36; (цветной металл: 1–14, 17–19, 21, 23, 32; железо: 15, 16, 20, 22, 24–31, 33–38).

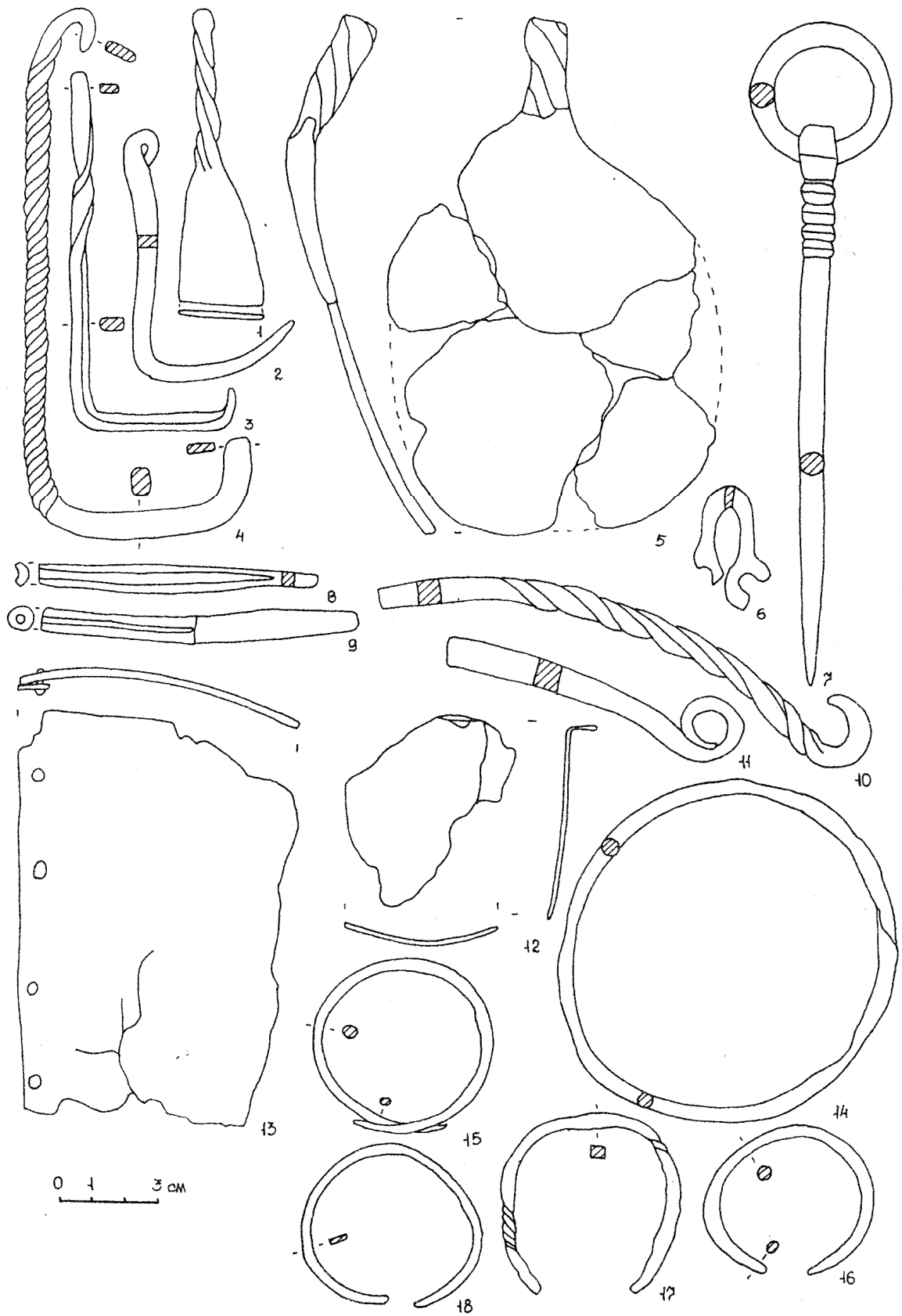

Рис. 9. Предметы дружинного снаряжения из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 4 – 7, 9, 10, 14, 18; посад: 2, 3, 8; подол: 1, 11 – 13, 15 – 17; (железо: 1 – 14, 16 – 18;
 бронза: 15).

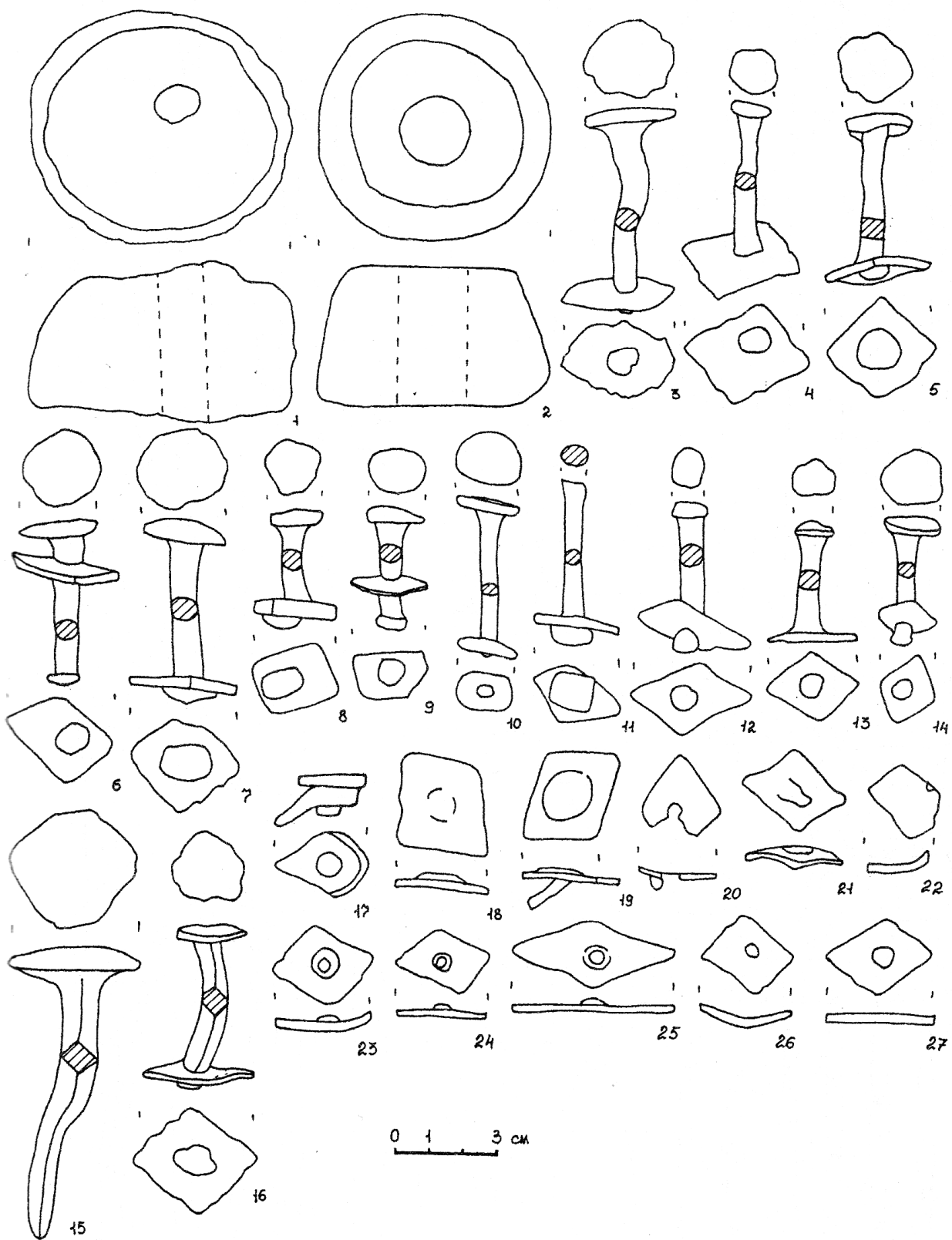

Рис. 10. Свинцовые якоря (1 - 2), деревянные заклепки и их детали из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 2, 3, 8, 10, 15, 24, 26; посад: 4, 11, 17, 18; подол: 1, 5 - 7, 12 - 14, 16, 19 - 23, 25, 27;

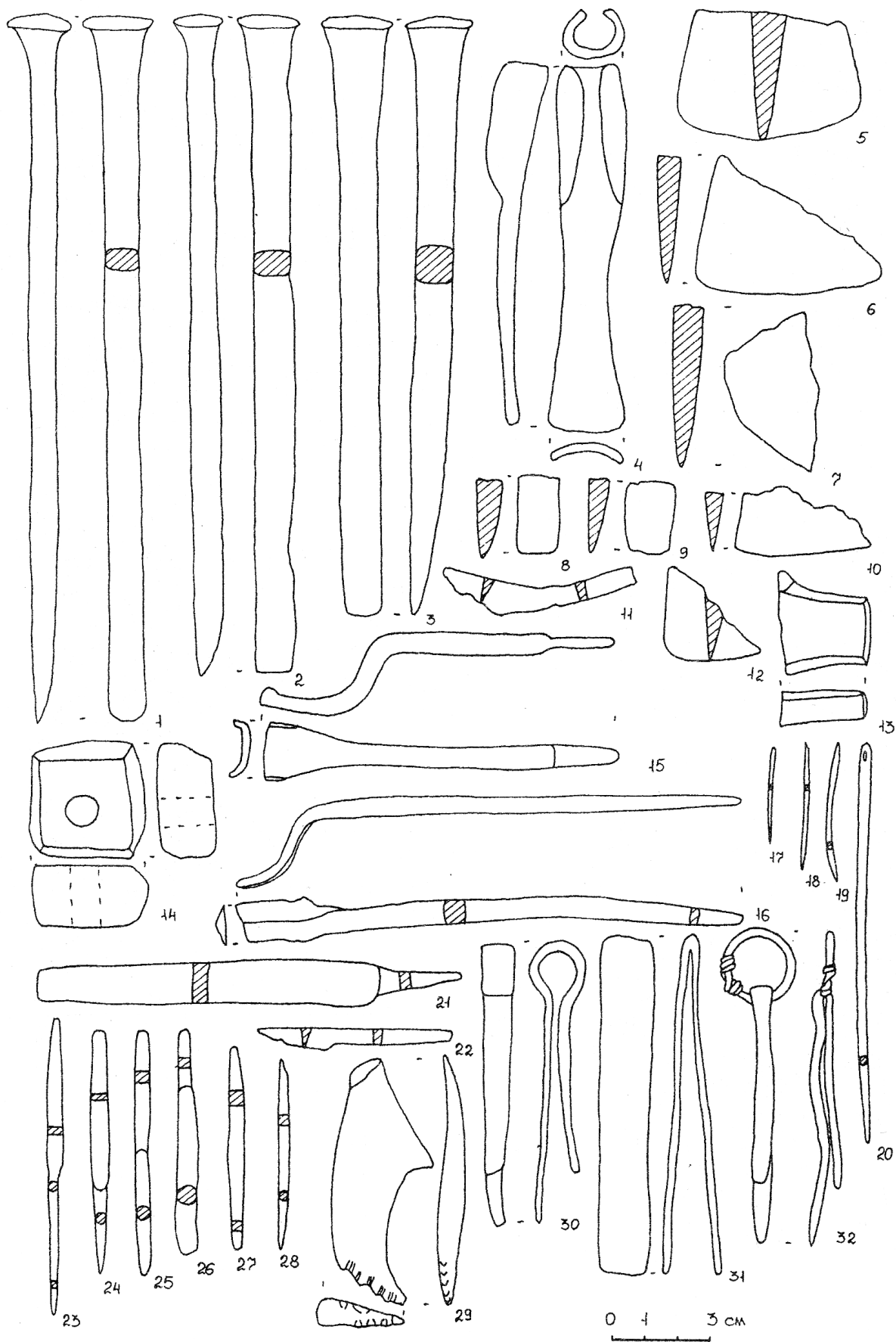

Рис. 11. Ремесленный инструментарий из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 2, 4, 11, 12, 27, 28, 32; посад: 1, 3, 5, 6, 8, 9, 13 – 16, 20, 24 – 26; подол: 7, 10, 17 – 19,
 21 – 23, 29 – 31; (железо: 1 – 13, 15 – 28, 30; шифер: 14; кость: 29; железо, бронза: 32).

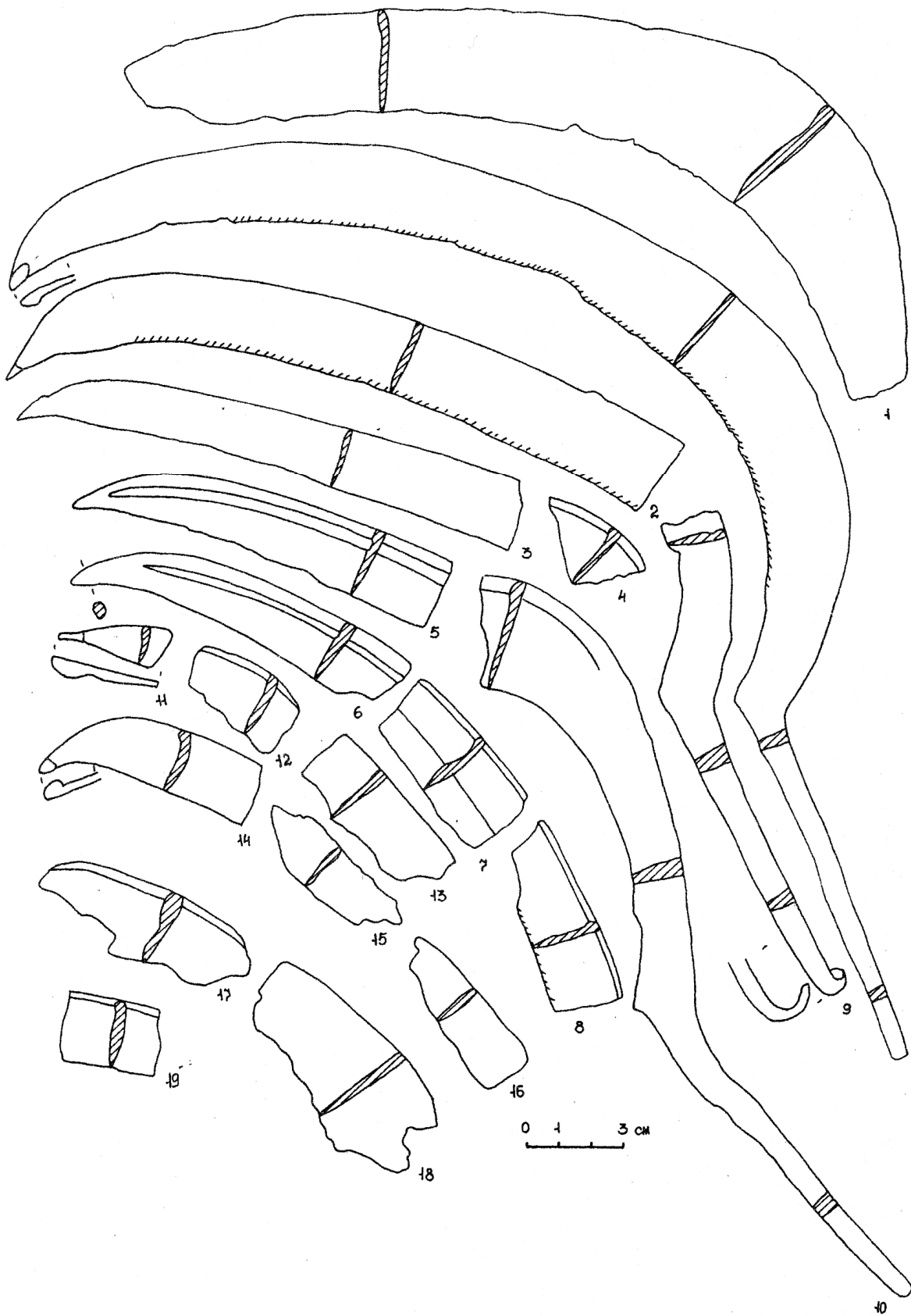

Рис. 12. Орудия уборки урожая из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 1 – 3, 5, 8 – 10; посад: 7, 11, 13, 15 – 19; подол: 4, 6, 12, 14.

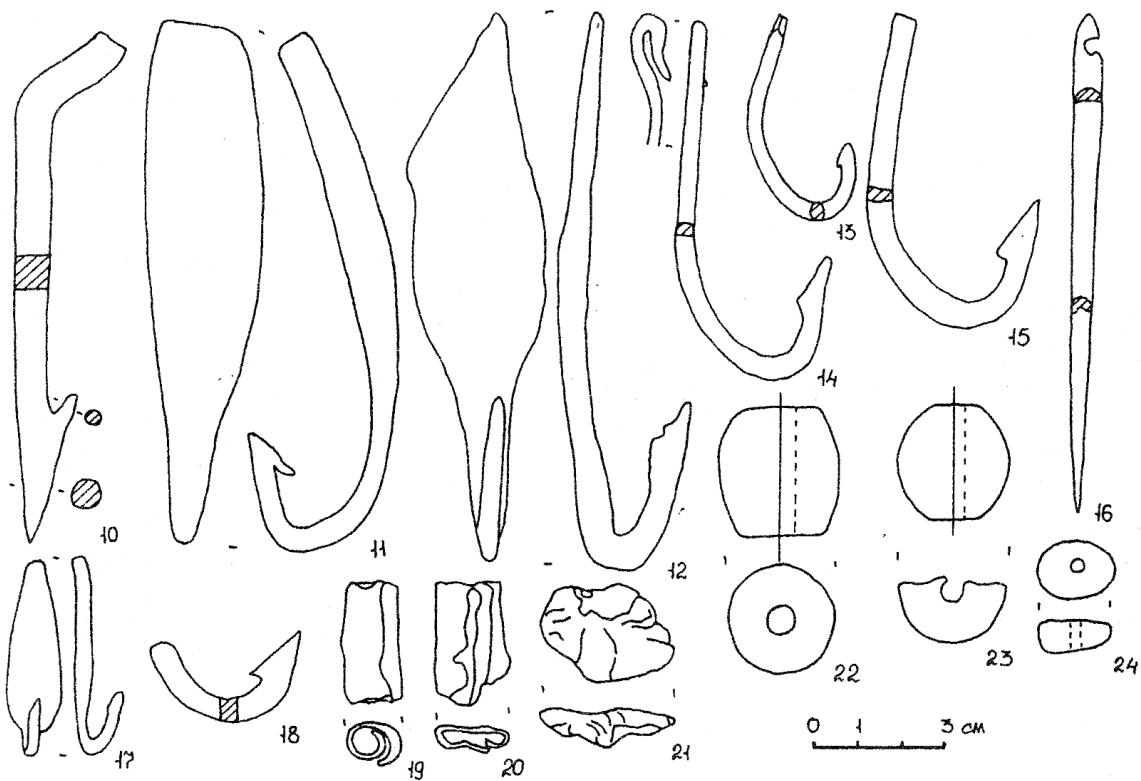
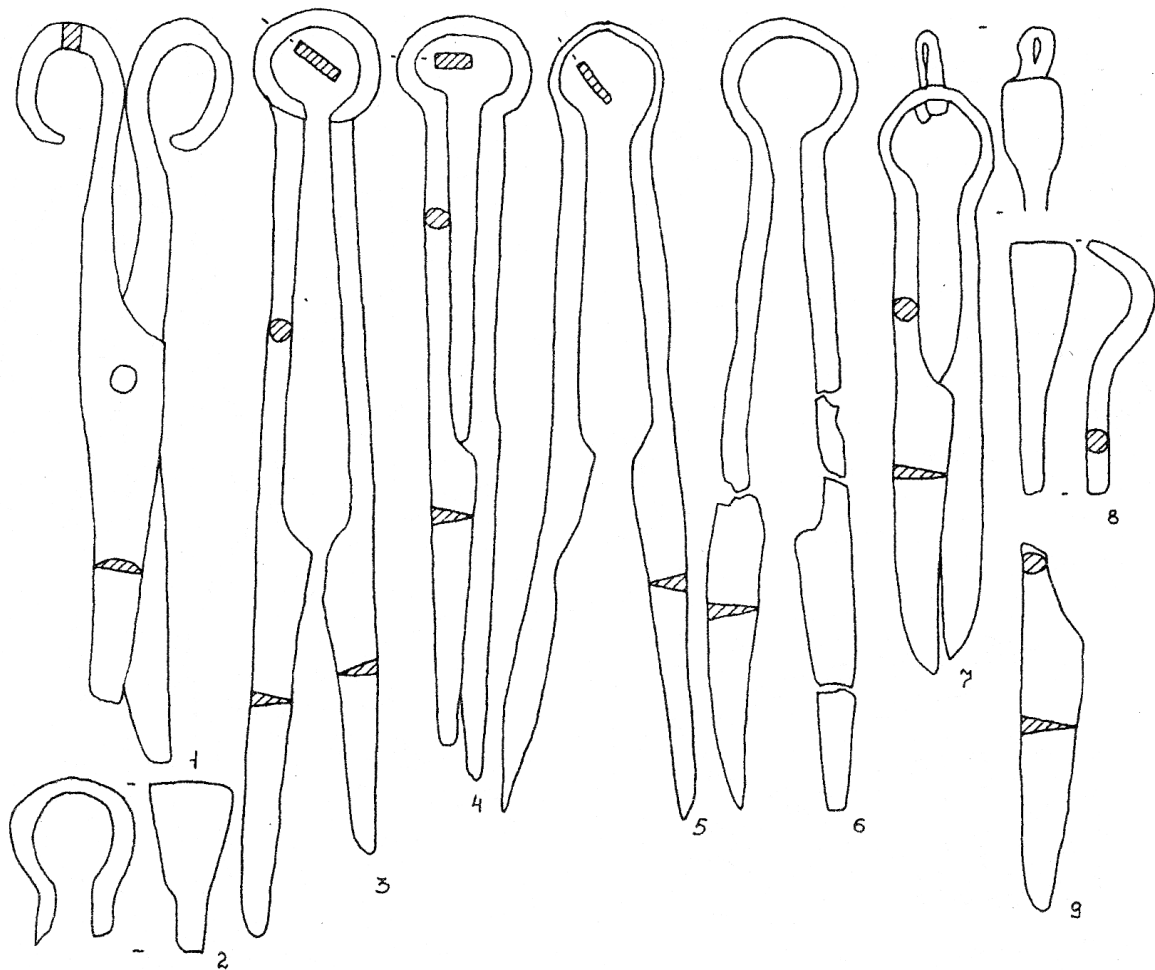

Рис. 13. Орудия промыслов из раскопок у с. Шестовица.

Городище: 4, 6, 10, 11, 17, 19, 21; посад: 1-3, 5, 7, 12-16, 18, 20, 22-24; подол: 8, 9; (железо: - 15, 17-18; кость: 16, 22, 23; свинец: 19-21, 24)

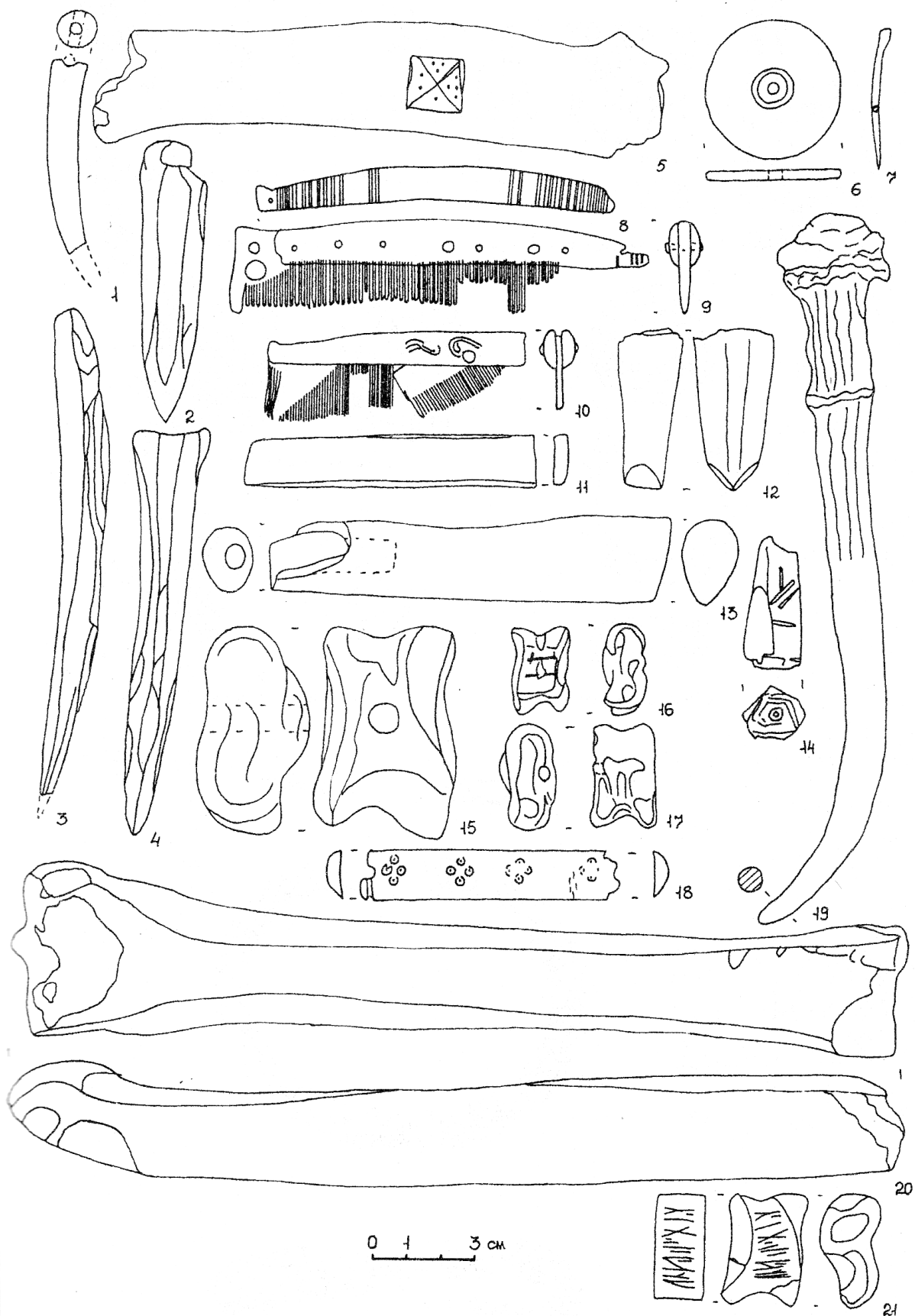

Рис. 14. Изделия из кости из раскопок у с. Шестовица.
 Городище: 3, 6, 8, 9, 11 – 13, 19; посад: 1, 2, 4, 10, 20; подол: 5, 7, 14 – 18, 21; (кость: 1 – 9, 11 – 21; кость, бронза: 10).

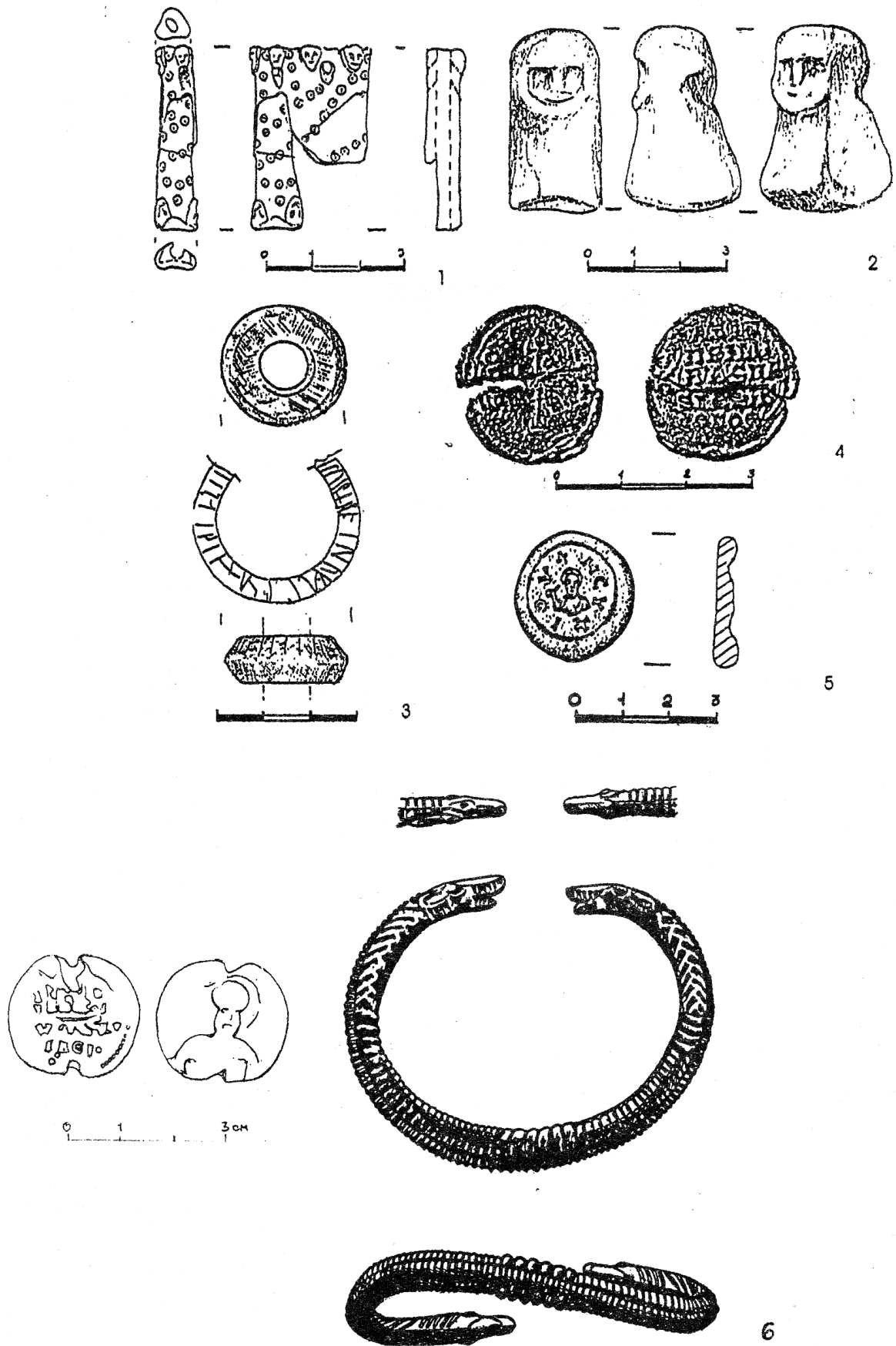

Рис. 15. Находки из раскопок 1984 – 2002 гг. у с. Шестовица:

1 – костяной игольник; 2 – каменный божок; 3 – шиферное пряслице с надписью руноподобными знаками; 4 – византийская вислая свинцовая печать протоспафария и логофета геникона Льва (900 – 912 гг.); 5 – византийская стеклянная иконка-литик; 6 – литой браслет с драконоподобными головками; 7 – вислая свинцовая печать Владимира Мономаха (2, 4 – городище; 1, 3, 5, 6 – посад; 7 – подол).

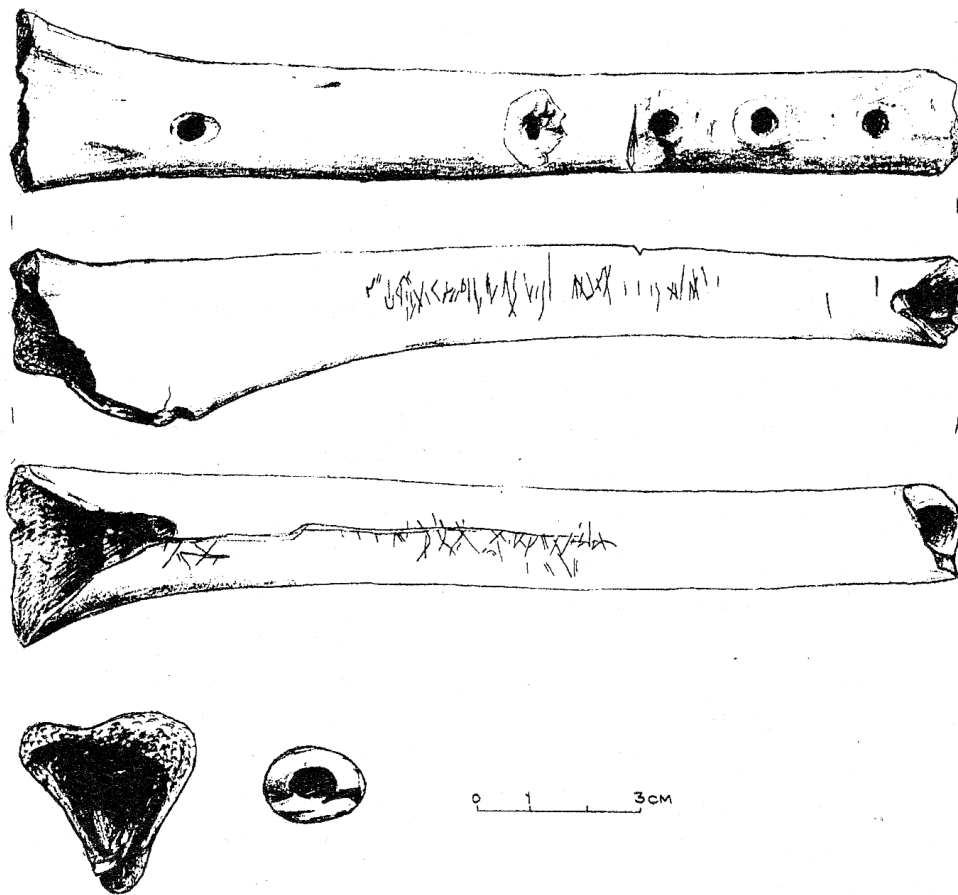

Рис. 16. Костяная свирель с надписью руноподобными знаками из раскопок на подоле.